

К 84(2 Рос-МзНС)
К Л 51

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

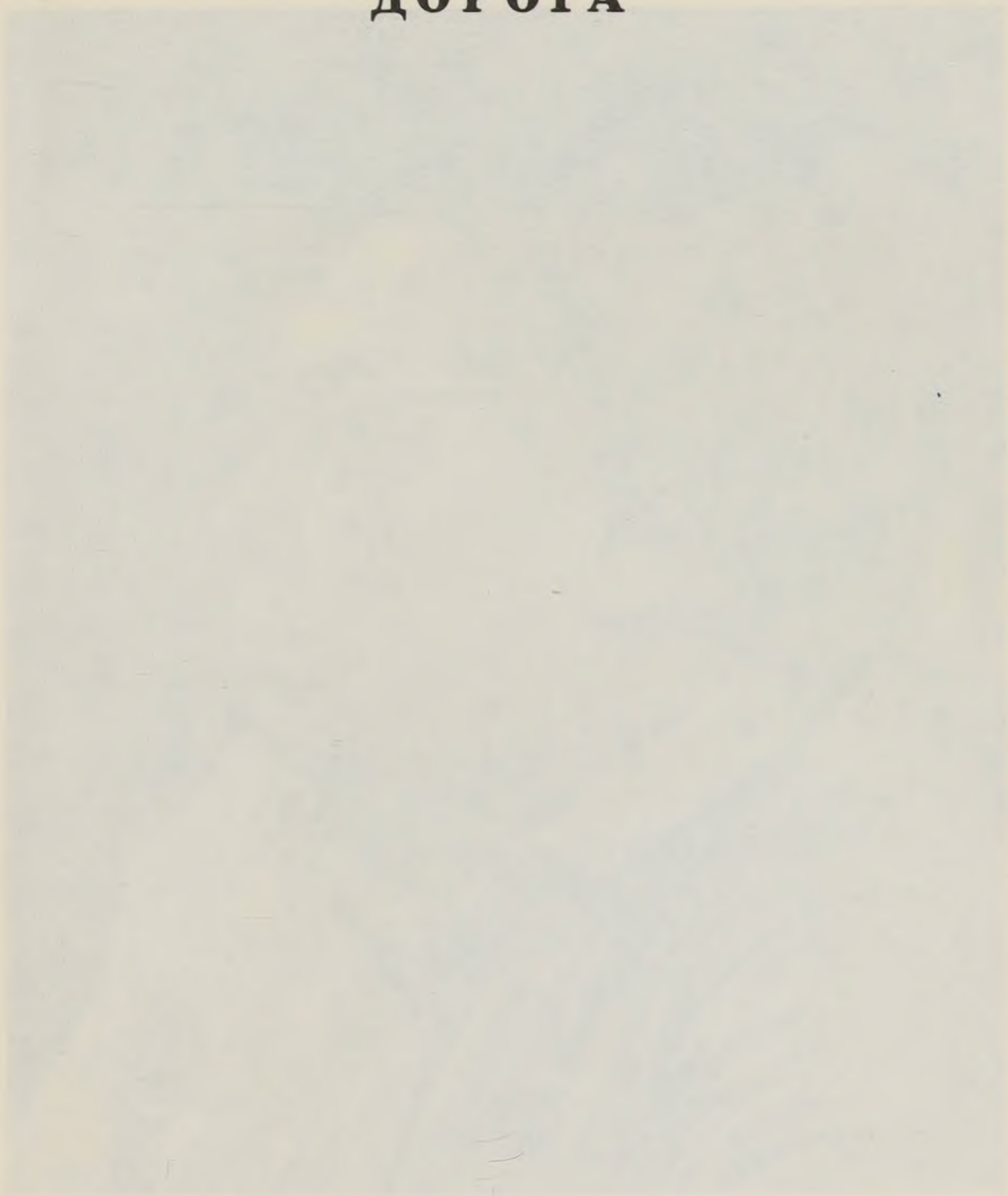
ДОРОГА

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

ДОРОГА

② - 26342 -

ВНИМАНИЕ!
Книжка находится
в библиотеке № 10

Библиотека № 10
ул. Ленина, 10
г. Киев

84/2 (Рос-Мзис)

ББК 84. Р7

Ш 51

Художник ОЛЕГ ТИТОВ

Ш $\frac{4702010202-179}{083(02)-88}$ 248-88

ISBN 5-265-00220-0

© Издательство
«Советский писатель», 1988 г.

ПРИГЛАШЕНИЕ

* * *

Леониду Леонову

Уснула под снегом река,
И низко склоняется ветка.
И сила мороза крепка,—
И сердце задумалось крепко...

ПРИГЛАШЕНИЕ

Здравствуй, дорогой,
Гость наш дорогой.
С дороги не устал ты:
По ногам твоим видно.
И не голоден ты:
По глазам твоим видно.
Но все же наш дом,
Дорогой, не обходи.
Стол тебя ждет.
Заходи. Посиди.
Мы просим отведать
Строганины из нельмы,
Ушицы душистой,
Ножку глухаря.
Глухомань нашу
Беседой удостой.
И тогда, дорогой,
Перед тобой
Откроется дорога.
Широкая. Прямая.
Счастливая дорога.
Твоя дорога.

ЗАКЛИНАНЬЕ НА ПОЛЯРНОМ КРУГЕ

На Полярном,
на студеном,
на заветном,
на судьбой самой
очерченном кругу
встал я
в круге заклинаний незаметном —
для неведомых друзей
их берегу...
«Помощь» — первое зовется,
что поможет
от морозов,
от скорбей и от обид.
Я второе заклинанье
знаю тоже —
злобу вьюги
ворожкой оно смирит.
Знаю третье заклинание,
которым
на врага
свое обрушу колдовство —
ненавистник мой
отступится с позором,
опрокину:
обезврежу я его...

И четвертое
 известно заклинанье —
против пламени
 храню его всегда:
мощным словом
 я уйму его пыланье —
это слово
 посильнее, чем вода!
Если ссора
 меж достойных разгорится —
эту ссору,
 как огонь, заговорю,
подымайся, заклинанье,
 словно птица,
мир я снова
 мудрым словом водворю!
Пятым чувством
 я владею тоже ныне:
чтоб к сердечному
 приблизить рубежу —
равнодушную
 красавицу богиню
околдую я,
 к себе приворожу...
И шестым я
 заклинанием владею:
чтоб любовь мою
 не тронула беда,
чтобы милая
 к сопернику-злодею
от меня
 не уходила никогда.
И когда на круг Полярный
 провожаю
я друзей своих
 на славное житье,

то, желая им успехов,
я седьмое повторяю
заклинание свое:
— Вам дано добыть тепло
в краю суровом,
победить дано
и стужу, и метель,
чтобы каждый
и безбедным, и здоровым —
мог в родимую
вернуться колыбель...
Пусть туманы
не пугают вас седые,
победители
мороза и пурги.
Возвращайтесь,
теплотворцы молодые,
на свои вы
на заветные круги!

* * *

Полярная ночь порождает думы
Полярной ночи длинней.
Я — приносящий жертвы паломник угрюмый,
Жертвы оленем, конем, мыслью своей.
Я ожидаю,
Когда с юга явится вновь
Солнце — олень красноликий.
О солнце думаю как о жертве великой.
И ужас
Пронизывает кровь.
Подступает слабость, в висках звеня.
Лучи северного сиянья
Когтями поглаживают меня.
Холод.
Мгла.
Жестокость.
Нежность.
Рычанье
Проникают в меня, наполняют собой,
Пронизывают и мучат.
Умереть бы внезапно, как солнце за черной
горой,
Как луна за тучей...
Чтоб во всем совершенстве потом,
в ином воплощенье

* * *

Несется ветер, острый, как стрела,
Земля устала, выпали снега,
Метелица шальная замела
Дома, и лес, и лодку рыбака...

Ты счастлив ли, рыбак?
Живой водой,
Которая, как в перышках, в снегу,
Торопишься ты,
Труд закончив свой,
К родимому погреться очагу.

Когда бы ты могла, моя рука,
Достойно отразить на полотне
Живую воду, радость рыбака
И сказки свет
На снежной целине!

Мне жаль,
Что рисовать я не могу,—
Лишь петь могу
О красоте такой,
Как бег воды, жильё на берегу
И этот снег, летящий над рекой...

У наших куропаток отниму
Пух белый я —
Для зайца, для полей...
Чтоб рыбака воспеть —
Себе возьму
Я голос белый
Белых журавлей!

* * *

Песню эту, острый, жесток
Звучит усталая, выжата
Мелодия простая
Дом, в лес, и поля рыбака...

Ты свистаешь, рыбацкая
Жизнь подол,
А которая, как в перьях, в омуте,
Горюшка ты,
Труд и вояж твой
К родному воротам идет

Каждый бы ты мог бы мой дух
Достойно отравить на лодочке
Жануе воду, радость рыбака
И слышишь свет
И снежной пеленой

Мне жаль
Ты восторг и не могу —
Линь нету мой
О красоте такой,
Как бел воды, жиды на берегу
И этот свет, светлый как рыбка...

* * *

Сошел мороз с лица земли.
В лучах легчайших небосвод.
Поют ручьи вблизи, вдали —
К нам время теплое идет!

Над плесом — утки в час зари.
А бурундук не зол, не тот...
Затоковали глухари —
К нам время теплое идет!

Судьбою лебедь создан — бел.
Быть серым — селезня удел.
Родится пестрым бурундук —
Неотвратим судьбы полет.

Но станут все нежнее вдруг —
К нам время теплое идет!

* * *

Слышите?
Весенний тает снег —
мчит вода, избавясь от мороза...
Видите?
Ручья веселый бег,
а над ним — ожившая береза.

Вот уже на веточку одну
выпорхнула маленькая птичка
и поет,
приветствуя весну,
радостная птичка-невеличка!

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ ПТИЧКИ

Рвется лиственница ввысь.
Голубеет небосвод.
Ты прислушайся,
проснись —
это к нам весна плывет!
Вот пришла уже она,
песня звонкая слышна!
Крылья птиц, гляди, светлей,
прилетает к нам весна —
голосами журавлей
окликает нас она.
Ярким солнцем в водоем
смотрит, кружится весна,
звонким, радостным ручьем
огласилась тишина...
В русле Сосьвы
треснул лед —
рев звериный на заре...
Рыбка вот
меж льдин плывет —
вся в весеннем серебре.
Птичка с ветки смотрит вниз:
ты прислушайся, проснись! —
к нам плывет уже весна,
вот пришла уже она!

* * *

Родовая речка... Речка предков,
На твоём я снова берегу.
Хоть к тебе я возвращаюсь редко —
Но забыть вовеки не смогу.
Эти воды — чистое течение.
Эти дни, подаренные мне.
Их неповторимое свечение.
Утренние тропы в тишине.
В час, когда роса ещё искрится,
Разве позабыть сумею я,
Как плескались, как играли птицы,
Пела родниковая струя...
В легкой лодке песенкой веселой
Радовал я эти берега...
Ныне с думой долгой и тяжелой
Я стою — ты так же дорога...
Ты меня признаешь ли — не знаю,
Реченька таежная, родная?

- 26342 -

17

Ханты-Мансийская
опорная библиотека
Тюменской области

ЦХ

ЗДРАВСТВУЙ, ЖУРАВЛЬ!

Ты вернулся, журавль, ты вернулся!
Вещий друг, ты вернулся домой!
И прилет твой весной обернулся,
Обернулся весной самой.

Здравствуй, милая, мудрая птица!
С возвращением в родные края!
Пусть над озером нашим творится
Немудренная песня твоя.

Никогда-никогда не наскучат
Эти просто «курлы» да «курлы»...
Пусть весеннею песнью озвучат
Эти скалы, и мхи, и стволы!

Но и ты мое слово послушай,
Без тебя то что было, узнай,—
Как улегся безмерною тушей
Белый снег на притихший наш край.

Как завывали ветра, свирепея,
Как навис тяжело небосвод,
Как на озере рос, индевея,
Страшный, сизый, насупленный лед!

И следы дорогие пропали,
Замело их порошей сухой.
И слова, что любовью дышали,
Растворились в печали глухой.

Здравствуй, милая, мудрая птица!
Вещий друг, ты курлычешь, что да,
Да, любовь моя — воротится!
И не будет на озере льда!

КОЛЕСО ЖИЗНИ

Из лесных, сырых, бессветных недр
«Цвирк» да «цвирк» — несется в
тишине.

Вздвогнув, шишку наземь сбросил кедр —
Воина в ореховой броне.

Знаешь, мир земной и неземной,
Тьма и свет, покой и непокой
Мучаемы горестью одной
И одной врачуемы рукой!

И один-единственный закон
Станет и врачом, и палачом...
Мир не замыкается замком,
Мир не отпирается ключом...

Вот на небе тучи пухлый бок.
Он от тьмы и холода лилов,
Он как змей бесчисленных клубок,
Он как сеть, где плещется улов.

Страшно, не навеки ли зарос
Плотной темной плотью небосвод,
Как — к торосу притесня торос —
Заполняет речку сизый лед?

Как же, как же к Ней приплыть Ему?
Как же долететь Ей до Него?
Если в небе видно только тьму,
В речке — лед и больше ничего!

Нет пути — ни сверху, ни внизу!
Но еще надежда есть, пока,
Сдерживая горькую слезу,
Ждет охотница родного рыбака.

Что же это?! Солнце из-за туч!
Что же это? Вышло... и ушло...
Запропал в тяжелой толще луч,
Как в волне блестящее весло.

Свет то выглянет, то заслонит лицо...
Шишка наземь, кедр — из земли!
Это вечной жизни колесо!
Ты закону вечному внемли!

* * *

Пеший,
конный,
путешествующий друг,
оглянись-ка повнимательней
вокруг.

Стрелку сердца на меня переведи.
Незнакомый!
Познакомимся.
Входи.

Словно люльку,
дверь тяжелую качни —

обогрейся,
покалякай,
отдохни.
Если я убил оленя —
вдоволь ешь.
Мяса нету —
Посмотри, как окунь свеж.
Ну, а нету даже рыбы у меня —
мы вкусим тепло домашнего огня.
Гость высокий,
я лелею
речь твою.
И в ответ
все, что имею,
отдаю.

Пред тем
Как отправляться в дальний путь,
Помедли на пороге.
Добрый взглядом
На старый стол свой
Должен ты взглянуть,
На крепкий стул,
Что с ним бытует рядом...

Здесь дни текли,
Трудов твоих полны,
Тут ел и пил, испытывал тревоги...
Ты на постель взгляни,
Где видел сны
О предстоящей жизненной дороге.

И прежде чем захлопнуть эту дверь —
Погладь ее
Задумчиво рукою —
Откуда знать, придется ли теперь
К ней подходить
Привычную тропую?

А может быть,
Не раз еще, поверь,
На долю счастье выпадет такое...
Ты прежде чем захлопнешь
Эту дверь —
Погладь ее задумчиво рукою.

* * *

В светлом доме я сижу —
А плыву.
Но плыву не по воде —
В синеву.
Вижу: облако волной
Подо мной.
Но ни брызг, ни плеска нет —
Ярок свет...
Я плыву,
Когда сижу.
Я плыву,
Когда лежу.
Я своей люблюсь силой —
Что со мной произошло?
Я могучий, я двукрылый —
Я плыву — но где весло?
Я лечу,
Когда сижу.
Я лечу, когда лежу...
Отчего же я в полете?
Просто я на самолете!

* * *

Я пою о далеких краях,
Где нога не ступала моя,
Но везде —
На земле, в небесах —
О краях этих думаю я...

И теперь небосвод надо мной
Так таинственен
В утренний час,

Весь он полнится голубизной
Женских нежных
Загадочных глаз...

И колодцы,
Дома и дворы,
Что зеленой одеты листвою,
Стали ближе мне с этой поры,—
И водой пониманья живой
Утоляется жажда души,
Птицу истины держишь в руках:
Только правды слова хороши,
Ложь —
Бездарна на всех языках.

Лишь за правдой шагая всегда,
Только искренность
В сердце неся,
В край, где не был еще никогда,
Ты приди — и откроется вся
Пребывавшая долго вдали,
За какой-то незримой чертой,
Красота неизвестной земли
С жизнью —
Теплой,
Обычной, простой...

Нет просторам и странам числа,
Над землей —
Воронью не кружить.
Мы — земляне. Планета мала,
Нужно дружно
И радостно жить!

* * *

Под защитой лесов,
Что вздымаются властно,
Под журчанье
Дремучих и диких ключей
Я сложил свою песню,
Что к тайне причастна —
К тайне прошлых,
А может быть, будущих дней...

В этой песне
Шумят вековые кедры,
В ней не молкнет
Рассветный призыв глухаря,
И разносят ее
Неумолчные ветры —
Не с одними жильцами лесов
Говоря...

О назначенных сроках,
Свиданьях, прощаньях,
О сияющем утре,
Что в травах идет,
И о сумерках грустных,
Закатных пыланьях,
О вечернем тумане,
Что каждого ждет...

ЖЕНЩИНА, ИДУЩАЯ НАВСТРЕЧУ

* * *

Я ушел в твои владенья.
Но иду —
И не дойти.
Путь, гонцом к тебе бегущий,
Я ищу —
И не найти.
Может быть, была дорога
Да травкою поросла?
Или времени немного
До тебя мне жизнь дала?

ЖЕНЩИНА, ИДУЩАЯ НАВСТРЕЧУ...

Проснулся — вижу солнце. На окне стоит солнце. Во дворе играет солнце. Во дворе снег. На реке — снег. Снег посинел. На синем снегу играет солнце, переливаясь радугой. Радуга еще холодная. Но я ее пью жадно, как чудотворный напиток весны. Весна... Будто волшебница заглянула в наш холодный Север и окинула Землю солнечным взглядом. Что-то долгожданное, волшебное шевельнулось во мне. Чувствую приятное, легкое головокружение. И мне кажется, что все вокруг начинает ликовать. И ворона, сидящая на дереве. И дерево, стоящее на берегу реки. И река, засиявшая от взгляда солнца. И солнце, улыбнувшееся сегодня утром мне. И Женщина, идущая навстречу...

* * *

Я вхожу в тайгу,
Как в сказку.
Весенняя тайга —
Сказка.

Иду.
Смотрю.
Слушаю.
Глаза смотрят не намотрятся.
Уши слушают не наслушаются.
Душа радуется не нарадуется.
Сказка.

Деревья стоят, как женщины,
Как влюбленные женщины,
Тянущие руки
К небу,
Свету,
Ласке
Весенней сказки.
Сказка.

На ветвях хвоя,
Как изумрудная бахрома
На шалях женщин.
Сказка.

Дунет ветерок —
Тайга благоухает.
Смолисто.
Душисто.
Сказка.

Идешь —
Словно плывешь-качаешься
По мягкому снегу...
А навстречу — Женщина.
Загадочная Женщина
Весенней сказки.
Сказка.

Я вхожу в тайгу,
Как в сказку.

Ворона не ворон. Хоть и черна она, да
чувет весну по-птичьи. Зимой — кар, кар! — ухо
режет. А тут со звоном кричит. Высоко, свободно
кричит. Да обаятельно, как весна, как Жен-
щина.

Во сне я пел.
Пел звонко, задиристо,
Как весенняя птица.
Во сне я летел.
Летел высоко, свободно,
Как весенняя птица.
Проснулся —
Смеялся день
Звонкими солнечными лучами.
Кто же шел
Вдоль моего сна, весело колдуя?
Кто же дал крылья, голос?
Неужели Женщина,
Идущая навстречу?

СНАЧАЛА БЫЛА СКАЗКА...

Идет женщина. Белая женщина. Идет жен-
щина по белой земле. Белый снег. Белый ветер.
Белый мороз... Идет женщина. Белая женщина.
Идет женщина по белым облакам. По белым
векам. Белая высь. Белая сказка.

Нелегок путь по земле, а ввысь тем более.
Женщина шла долго. Измучилась. Истоскова-
лась. Но шла, как все тоскующие. Шла, шла —
видит: река. Река то белая, то красная. Течет
река, меняя цвет.

Около реки стоит чум. Чум большой, хороший. «Наверно, хороший мужчина живет здесь,— подумала она.— А будет ли со мной играть?»

Села сзади чума. Прислонилась щекой к мягкой оленьей шкуре, которой покрыт чум. Уснула. Вдруг слышит, кто-то шепчет сквозь шкуру: «Вставай, Белая женщина, заходи к моему огоньку».

Стряхнула сон, как снег. Вошла в чум. В чуме горит огонь. У огня сидит Медведь. Черный, лохматый. А глаза искрятся, как угли...

Сидит, не обращая внимания на вошедшую. «Слепой, что ли?» — думает Женщина.

Она присела к очагу. Протянула руки к ласковому огню. Вдруг слышит далекий-далекий голос:

— Кто ты? Откуда пришла? Зачем пришла?

— Называли меня когда-то Сорни-най.¹

Золотой женщиной, богиней величали. Но было это давно... Теперь я просто женщина.

Молчит Медведь...

Схватила женщина лапку гагары. Стукнула в бубен и закричала:

— Проснись, Медведь, таежное чудовище! Раскрой свои звезды-глаза! Не видишь ли, кто перед тобой! Я Женщина! Скучно мне!.. Счастья на земле мало...

Не успела женщина окончить последнее слово, как Медведь превратился в Мужчину, в Смуглолицего мужчину.

— Оу! Ты Сорни-най, Золотая женщина! — воскликнул Мужчина, ударяя ладонями по коленям.— Устала, наверно, с дороги-то. Отдохнуть, попить надо.

¹ Сорни-най — в мансийской мифологии: Золотая женщина, богиня.

И появляется еда-питье. И угощает мужчина гостью строганиной из нельмы, оленьим языком, ягодой морошкой, клюквенным настоем, огненной водой, прозрачной и горькой, как слеза...

Когда женщина покушала, попила, отдохнула, Смуглый мужчина и говорит:

— Слушай, Белая женщина, сейчас я спрячусь. Если ты угадаешь, где я, заработаешь одно счастье.

Мужчина сразу исчез.

— Ты на дымоходе сидишь! — взглянув вверх, воскликнула Белая женщина.

— Оу! — воскликнул Смуглый, соскочив с дымохода. — Молодец. Отгадала. Заработала первое счастье!

И достает Смуглый мужчина из священной стороны чума большой кожаный мешок и вынимает оттуда обыкновенную оленью шерсть, говоря:

— Это первое счастье, которое ты заработала. Пусть твои люди на оленях ездят, лакомятся строганиной из оленьей печени...

И опять исчез Смуглый мужчина. Лишь голос его гулко загремел:

— Ну! Где теперь нахожусь?

— В бубне сидишь, — сказала женщина, взглянув на бубен, лежащий в священной стороне чума. Вскочил Смуглый мужчина с бубна. Похлопал себя по коленям и воскликнул:

— Оу! Ну и Белая женщина! Какая догадливая! Опять отгадала!

И подает он рыблю чешую, серебристую чешую нельмы.

— Вот тебе второе счастье. Пусть твои люди белую и красную рыбу едят, икрой черной и

красной лакомятся!.. Ну, теперь я много мучить тебя не буду. В последний раз спрячусь...

И опять Смуглый мужчина исчез.

— Ты находишься в лапке гагары, что лежит рядом с бубном! — воскликнула Белая женщина.

— Оу! Молодец! Какая прозорливая женщина! Все отгадала. Все счастье тебе отдам!.. Пусть твои бедные люди живут и станут настоящими людьми!! И пусть другом у человека будет собака. Собаки тоже нужны людям, как олени, рыбы, женщины!

— И только?! — воскликнула Белая женщина. — Этого счастья нам мало!

— Хм! — воскликнул Смуглый, ударяя себя по коленям. — Мало? Какого счастья вам еще надо?!

— Женского счастья! — воскликнула Белая женщина со слезами в голосе.

— Достояна имени Женщины лишь та, кто способна подарить счастье Мужчине...

— И только? А кто будет дарить счастье Женщине?

Взглянув на Смуглого мужчину, говорившего теперь степенно, мудровато, Сорни-най узнала в нем Торума, бога всех миров.

Не успела она вновь вымолвить и слова, как Торум, и огонь в чуме, и чум исчезли...

— Какой обманщик! — воскликнула Сорни-най, всплеснув руками. — А еще богом называется!..

И пошла прочь с этого места. Когда Белая женщина переходила реку, которая меняла цвет, к ее одежде прилипло что-то красное и что-то белое.

— Неужели от бога я унесла не только счастье, но и несчастье! — воскликнула Сорни-

най. — Ведь красное — это кровь, которую будут проливать люди, воюя друг с другом... А белое — это огненная вода, которой будут упиваться люди, хмелея от дурного веселья.

И попыталась Белая женщина стряхнуть с одежды эти прилипшие пятна. Но они так и не сошли.

И взглянула Белая женщина назад, на речку, а там красного и белого цвета не стало.

— Неужели я унесла вместе со счастьем и несчастье! — воскликнула она в сердцах. — Неужели в будущем так и будут мучиться люди — бедные дети моей женской природы? Неужели счастье человека только в рыбе, мясе, еде, питье?

Идет Женщина. Идет Белая женщина. Идет Женщина по белой земле, по белым векам. Идет Женщина, рожая детей, добывая рыбу и разводя оленей, играя с собаками и мужчинами. Идет Женщина с вечными вопросами о счастье, любви...

* * *

На солнечном откосе
Я вижу трех ящериц,
Длиннохвостых ящериц,
Пучеглазых ящериц.
Одна в сторонке
Пресмыкающе смотрит,
Как две другие,
Сминая прошлогоднюю траву,
Дерутся друг с другом.
Пасти раскрыты.
Глаза горят.
Немой крик.

Резкий запах.
Жар.
Пожар.
Трава качается,
Гнется,
Ломается,
Мнется.
Золотистый откос горит.
Качается.
Стонет.
Будто бьются хвостами,
Скрежещут зубами
Огромные чудовища,
Охваченные возбуждением.

Что это?
Бой?!
Любовная игра?
Пустая драка?
Пасти раскрыты.
Немой крик.
Резкий запах.
Глаза горят
Эротическим возбуждением.
Охваченные любовным жаром,
Бьются две ящерицы.
Третья смотрит,
Жадно
Облизываясь.
В глазах ее искры
Эротического увлечения.
Дзи-и-инь!
Откушен хвост!
Бесхвостый,
Побежденный
Отползает

В кусты,
В хлам,
В мрак.
К победителю
Пресмыкающе
Подползает
Она.
Длиннохвостая.
Пучеглазая.
Полногрудая.
Полногубая.
И на солнечном откосе
В мягком золоте травы
Снова жар.
Пожар.
Трава качается.
Гнется.
Ломается.
Мнется.
Солнечный откос горит.
Качается.
Стонет
В любовной ласке
Весенней сказки.

Женщина... Я помню тебя, когда еще мальчи-
ком бегал за тобой, держась за подол. Я про-
сил на руки, я все время просил на руки.
Ты иногда брала меня на руки и поднимала к
небу. А встретился я с тобой еще раньше, когда
я был небом, землей, водой. Встретился с тобой
в миг, когда я захотел быть огнем. И ты велико-
душно от своего огня оторвала меня. И язычок
моего пламени затрепетал на холодном ветру
жизни.

Снег и ветер не раз пытались потушить мой

огонь. Но ты закрывала меня своей грудью. О, эти млечные, теплые два стожка! Они казались мне то волшебной сказкой, то теплой загадкой, то тайной нежности и света. Но тайна нежная моя вдруг оборвалась. Женщина ушла. Ее следы замерцали в далекой холодной стране, называемой страной одиночества и забвения.

Одиночество стояло передо мной, как полярная ночь. Мрак и стужа обнимали меня. Во сне и наяву я грезил о тепле, как о белой ночи. Мне снилась белая ночь, как Белая женщина. Сквозь свирельное журчание весенних струй я слышал таинственный голос Белой женщины. Он звенел высоко, высоко. Я всматривался в облака. Мне чудилось, что она идет меж облаками. Легкая и стройная. Я любовался грацией ее стройного тела.

Я звал ее, умоляя спуститься на землю. И она пришла. Улыбнулась. Протянула руки. В ее нежных ладонях заиграло пламя. В сумеречном небе моей души засияло солнце...

* * *

Пусть хоть солнце светит —
Я тебя целую.

Пусть хоть месяц смотрит —
Я тебя целую.

Пусть хоть столб стоит —
Я тебя целую.

Пусть глаза хоть пялят —
Я тебя целую.

Пусть собаки лают —
Я тебя целую.

Наверное, я тебя
Очень люблю.

И мы пошли рядом.

Но дух гармонии, маячивший впереди, убежал от нас. И мы, как шальные, верящие в чудо, бежали по его извилистым, неверным следам.

Женщина... Ты помнишь, как в минуты усталости и сомнений я припадал к твоей груди. Жаловался. Рассказывал о страданиях сердца и тайнах духа. Просил совета. Ты обрезала крылья и окрыляла. И я летел, плыл, шел, открывая мир. Целый мир я открыл в тебе.

Женщина... Земная богиня, сотворенная из лебяжьей нежности и медвежьей злобы, из скромности куропатки и коварства росوماхи, из красоты белой ночи и тьмы сумрачного дня — прекрасная, чарующая Женщина, пробуждающая страсти, хранительница очага, ты таишь в себе искры вечного одиночества.

Женщина моя, кажется, я тебя знаю. Чую, что настанет миг — и ты уйдешь. Уйдешь в мир одиночества и забвения. И наступит мрак. Вечный мрак...

Об одном прошу тебя — сохрани и передай другим амулет моих признаний.

* * *

Зима казалась вечной.

Словно сто лет

Шел стылый снег.

Словно сто зим

Волнение воды

Зрело во льдах.

И вот —

Лед тронулся.

Ветер
Заиграл с волной.
И заплескались мы
В половодье чувств,
Где наших два молчания,
Кажется, век молчали.
Подожди,
Чтоб ветер
Схватился с волною...
И ты почувешь
Мое вечное волнение.

* * *

«Путь к миру лежит через женщину...» —
сказывали древние. «Путь к женщине — через
любовь...»

Любовь летит на крыльях радости. Радость
может слить два создания, два сознания в одно.
Высшее сознание родит Человека.

И чем радостнее, чище сознание, тем легче
окрыляется высшее сознание Человека, несущего
миру мир, согласие. Нелегко достичь в этом шум-
ном мире мира, согласия...

Мир в руках Женщины... Как мы, мужчины,
не умеем беречь Женщину — начало мира,
согласия!

* * *

Женщина!
Кто ты?
Кто ты для меня,
Мужчины?

Ты — моя нежная рыба,
Мой пушистый соболь,
Моя медведица,
Мой белокрылый журавль.
Женщина...
На твоих крыльях лечу я
В поисках крылатого Слова...
Слово мое сегодня о тебе,
Женщина —
Дыхание мужчины,
Его свет,
Вода
И высокий огонь.
Ты цель моя
И самоцель,
И ширь,
И высь,
И даль,
И близь...
Моя женщина!
Ты родной кнут,
Убийца!
Разрушитель моей свободы,
Мечтательница,
Мечтающая о чем-то большем.
Великая строительница,
Живущая
Неосознанной обязанностью
Строить свой очаг,
Свой угол,
Свой дом.
Ты все,
Что необходимо,
Чтобы дышать
И жить мне в моем доме.
Ты мое паренье рук,

Превращающее каждый день
В праздник.
Ты —
Мой самовозрождающийся ритуал
От утреннего чая
До вечернего колдования у телевизора.
Ты мой учитель общения
С огнем,
Водой,
Вещами.
Ты мой завтрак, обед, ужин,
Приносящие наслаждение и силу.
Ты моя любовь — в пиршестве экстаза
Соединяющая наши тела и сознания
В высокое сознание человека,
Рождающее нового Человека...
И человек растет,
Углубляясь в самое себя
В обыкновенной повседневности...
Повседневность возвышена тобою, моя
женщина,
До самоуглубления,
Доброты,
Любви.
Женщина!
Твоя всеобщая любовь
Стала заботой и порядком,
И поступком мужчины
От шага доброты
До подвига
Во имя Отчизны.
Женщина!
Ты тот обыкновенный камень,
На котором держится
Дом,
Семья,
Отчизна!

Тихий звон. Звон все ближе, ближе.

Чем ближе подходил я к реке, тем мелодичнее становились звуки. То пела река песню весеннего половодья. Голос реки был ровный, задушевный. Пела река без слов, но понятно... Каждый раз песня весны была новой. Но мне чудилось, что эти мелодии я слышу давно, слышу вечно, как эту реку, как тайгу у реки, как небо над рекой.

Но каждый раз они рождают во мне необъяснимые чувства волнения, радости, грусти, восторга. Слушая эту чарующую мелодию, я чувствую, как таинственные звуки души сливаются с песней реки, тайги, неба...

* * *

Весна.

Солнце.

Радуйся.

Просыпайся, радуйся.

Тому, что жив, радуйся.

Улыбке женщины радуйся.

Прими на плечи радостно

Горестное и сладостное,

Положенное тебе.

Но

Не гни спину гадостно. Раз!

Не позволяй злорадостно

Злорадствовать гадости. Два!

Улыбайся радостно. Три!

В постоянной радостности

Ищи крылья радости.

Радуйся!

Но

Не набирай на плечи свои:

Долгов. Раз!

Должностей. Два!
Случайной любви. Три!
Радуйся!
Дыши
Проще,
Легче,
Веселее.
Радуйся!
Но знай:
Любовь не брага хмельная
И не красота чарующая.
Знай:
Любовь — Красота,
Несущая мир и успокоение
И дураку, и гению!
Знай:
Живет и дышит тот,
Кто любит и радуется
Спокойствием и радостностью
Радостного человека.
Высокому солнцу
Радуйся!
Улыбке Женщины
Радуйся!

ТРИЛИСТНИК ТАЙГИ

1

Меня ведет поэзии стезя
К той женщине, что не любить нельзя.
Пусть знает мир, все стороны его:
Та женщина — песнь сердца моего.
Пусть знают на Оби и на Неве:
Та песня — это птица в синеве,
Я поднял эту птицу в небеса
Той силой, что имеют голоса
Поэтов, у которых в сердце страсть.
И этой птице вечно не упасть.
О женщина! Не я, а ты поешь,
Ведь эту силу только ты даешь.
Все — песню, сердце, птицу в вышине —
Лишь ты одна дала все это мне.

2

Для женщины, которую люблю,
Ловлю я рыб, я звонких рыб ловлю,
Сребристой сетью, меткой острогой —
Для женщины далекой, дорогой...
Но нет — они не рыбы, но слова,
От звона их кружится голова,
Их гибкое играет серебро,
В них, это в них и счастье, и добро.

Я верен плеску, пляске этих слов —
Сребристых рыб, живых колоколов,
И оттого не стану петь, пока
Она вдали, далёка, далека...
Но если будет вновь она со мной —
Взовьется песня в тишине земной!

3

Меня ведет поэзии стезя
К той женщине, что не любить нельзя.
И я своей любви не потаю
И оттого пою о ней, пою.
Но я не так пою, как под луной
Зовёт волчицу волк из тьмы лесной,
Но и не так, как в яростном бою
Поёт герой у смерти на краю.
Нет, я наполнен музыкой другой
О женщине далекой, дорогой...
О женщине, что музыка сама,
В ней вся природа, в ней и свет и тьма,
В ней небо и земля, огонь и лед,
В ней сердца вдохновенного полет.
И я пою, и мне не петь нельзя
Ту женщину, что не любить нельзя.

НАПУТСТВИЕ

ОТВЕТ СТАРЦУ

Я не ползаю змеей,
Зайцем не сбегаю
И пред силою чужой
Спину не сгибаю,
Но у старца я прошу
Мудрого совета —
Я в душе его ношу
Вместо амулета.

* * *

Хорошо играть в оленей —
Плотен наст и снежен день.
Не теряй, сынок, мгновений
И считай, что ты олень...
Пусть летят по насту лыжи.
Кто быстрее —
Пестрый, рыжий?
Кто отставший?
Кто догнавший?
Может всех поднять храбрец.
Может робкий и уставший
Запугать других вконец...
Не теряй, сынок, мгновений —
Хорошо играть в оленей!

* * *

На вершине дерева сильный ветер
(Мысли)
Мансийская загадка

На вершине дерева
Сильный ветер...
Эй, не топай мимо ты,
Словно лошадь!
На вершине дерева
Сильный ветер! —
Погляди на дерево
И подумай.

На вершине дерева
Сильный ветер —
Значит, это дерево
Не засохло,
Соки беспокойные
В нем бунтуют,
Словно мысли смелые
В человеке.

Эй, вершину шумную
Не брани ты!
Погляди на дерево
И подумай —
Почему неистовы
Эти ветви?
Почему тревожатся
Эти листья?

Стань вершиной дерева
На мгновенье
И вступи в бесстрашную
Битву с ветром.
Все свои сомнения,
Все вопросы,
Размахнувшись, брось ему,
Словно вызов!

Пусть гадает-думает
Над загадкой
Нашей жизни, пахнувшей
Горьким дымом,
Нашей жизни, пахнувшей
Соком ягод,—
Стань вершиной дерева
На мгновенье...

У подножья дерева
Тихо-тихо...
Здесь трава несмелая
Долу гнется.
Корни узловатые
Роят землю,—
Не дубасит ветер их
Кулаками.

Под узорной шубою
Трав уютных
Сок подземный сахарный
Тянут корни,
Но краса и трепетность
Нашей жизни
Ветровыми кронами
Познается.

Оттого и зелены
Те вершины
И богаты запахом
Клейких почек,
Что, с высот подветренных
Глядя в дали,
Боль и радость первыми
Принимают...

На вершине дерева
Сильный ветер...
Опадать не скоро им,
Буйным кронам!
Эй, не топай мимо ты,
Словно лошадь, —
Погляди на дерево
И подумай...
Погляди на жизнь свою
И подумай,
Стань вершиной дерева
На мгновенье!

Мне сказала мама: «Слушай,
я дарю глаза и уши,
мой сыночек, посмотри,
как чудесен этот мир,
что застыл в сугробах снежных!»

Мамин голос был так нежен.
Я прислушался — проснулся,
я прозрел от тьмы — очнулся,
закричал я снегу: «Здравствуй!
Жизнь чудесна, жизнь прекрасна!
Мамы нет! Кому я нужен?!
Ни к чему глаза и уши,
вновь оглох я, вновь ослеп...
Потерялся мамин след!»

ДУМА ОТЦА

Мы в тайге глубокой жили,
Из речных истоков пили,
Как дремучие медведи,
Резвых бабочек соседи...
Жили — тихих зайцев тише,
Незаметные, как мыши.
Жили мы, подобно совам
Пучеглазым, в гнездах спали.
Ничего о мире новом
Мы не слышали, не знали...
Боль, что мы несли годами,
Голод, холод — полной чашей —
Были горькими плодами
С древа прежней жизни нашей.

* * *

Помню, в детстве отец
Поучал меня часто:
Если сладко ты спишь —
Опасайся несчастья!
Если вкусно жуешь —
Опасайся несчастья!
Если сладко живешь —
Опасайся несчастья!
Ведь счастливый конец —
Так ведь часто бывает —
У хороших начал
Не всегда наступает.
Жизнь людская хрупка,
Потому, как ненастья,
Опасайся несчастья!
Опасайся несчастья!

* * *

Сын мой, послушай отцовский завет!
Когда тебе десять исполнится лет,
Скачи
Медвежонком,
Зайчонком, лосенком —
Игривей, наверное, возраста нет...

Когда тебе двадцать исполнится лет —
Да станет дорога в науку видна!
Любовь ниспошлет тебе
Радостный свет,
Тебя в свои игрища
Втянет она...

Исполнится тридцать —
Гнездо свое вей,
Руками работать надежно
Умей!

Когда тебе сорок —
Ты слов без числа
Не трать, это будет напрасная речь.
Молчанье, уменье ты должен беречь —
Пусть руки твои говорят и дела!

Когда пятьдесят —
Ты на плечи возьми
Заботы земли и тревоги,
Да будет душа твоя вечно с людьми,
Ищи ты к их сердцу дороги.

Когда шестьдесят —
Сотворенным тобой
Дыши, побратавшись с большою судьбой...

А семьдесят будет —
Ты взглядом окинь
И землю, и небо, и пламя пустынь,
И вихри, летящие в северной мгле, —
И думай:
А стоит ли жить на земле?

Дарить, подарки брать, вином и тайной
Делиться, угощаться, угощать
И теплым словом, словно бы случайно,
Святую дружбу в сердце согревать.

4

Когда собака новая залает
Средь остальных, и громче их, и злей,
Когда твой новый друг загрождает
Твоих старинных вытеснить друзей,—
Гони собаку новую подальше
И дружбу с этим другом прекращай:
Да лучше старый друг без всякой фальши,
Чем пес, весь исходящий в громкий лай.

5

Тот, кто друзей своих в беде не видел,—
Поистине тот счастлив в жизни был.
Тот, кто родных в их смертный час не видел,—
Поистине тот счастлив в жизни был.
Кто не видал жены в чужих объятьях,—
Поистине тот счастлив навсегда.
И он пройдет сквозь грозное ненастье —
Ему не страшны пламя и вода.

6

Всегда к высоким помыслам стремись ты —
Пусть сила мысли бьется через край.
И, соблюдая все законы чести,
Слабейших ты отважно защищай.
И щедрым будь ты, помогая бедным

И труд во славу Родины верша,
Шагай, но не по краю черной бездны,
А светом чтобы наполнилась душа.

7

Проходят непрерывной чередою
Весна и лето, осень и зима.
Когда б не ночь с ее смертельной мглою —
Рассвета б не кипела кутерьма.
Но если ты исполнил все заветы,
Не ведай страха пред небытием —
Возникнешь вновь ты, как весна и лето,
В прекраснейшем создании твоём.

* * *

И сказал мне отец:
Словно молнии взлет,
Слово песни твоей
Снова душу мне жжет.

Но подумай, сынок,
Щедро тратя свой пыл,
Не напрасно ли ты
Сердце настезь раскрыл?

Ты подумай, сынок:
Кто, какой человек
Жаждет песни твоей
В громкий атомный век?

Пусть толчки в твоём сердце
Чисты, горячи,—
Ты закрой своё сердце,
Закрой — и молчи.

Не речами
Доказывай правду, сынок:
Это будет твоей
Лучшей песней, сынок!

* * *

Тот не охотник, у кого собаки нет.
Тот, кто не женится, какой он семьянин?
Дом рухнет, ежели простыл хозяйский след.
И голова без мысли — что пустой кувшин.

* * *

Огонь и нож добро несут,
Но могут злыми быть
И, сотворив неправый суд,
Поджечь или убить.

Зарежет нож, спалит огонь,
Коль зла рука твоя.
Но справедливо и легко
Добро они творят.

Сверкает лезвие ножа,
Огонь таит красу...
Пусть руки отведут пожар,
Пусть от беды спасут!

ВОТ МОЕ СЛОВО...

1

Вот мое Слово,
Большое-большое.
Больше скажу,
Если будешь ты слушать.
Память же с огненной выпить водою
Дай Росомахе, чтоб чужая душу,
Чтобы запомнила та Росомаха
Каждое слово, пронзенное ветром,
Бурей, что бьет по глазам мне с размаха,
Гулкой волной и струящимся светом,
Деревом, в дебрях таежных шумящим
И достающим до мглы поднебесья...
Вот мое Слово —
Его настоящей
Песней пронзаю,
Тревожною песней.

2

Вот мое Слово.
Огромное Слово.
Больше скажу,
Если слушать ты будешь.

Прежде чем в чум возвратишься, ты снова
Вход осмотри,
А не то позабудешь,
Что у жилища мог враг притаиться
В снежной своей и зловешей берлоге.
Чтоб на подошвах от зла ни частицы —
Вытри у входа как следует ноги.
Враг тот хитрющий —
И, будьте здоровы,
В чум твой проникнет он даже с дыханьем.
Вот мое Слово,
Волшебное Слово
И от беды от любой заклинанье.

3

Вот мое Слово,
Волшебное Слово.
Больше скажу,
Если будешь ты слушать.
Дорог огонь, что с дороги суровой
Кости прогреет, одежду просушит.
Ноги устали иль руки застыли —
Кто же в тепле не нуждается к ночи —
Снежная вьюга иль ветер болтливый,
Или же тот, кого слушать нет мочи?
Лучше послушайте снова и снова,
Чтобы под злою метелью согреться,
Слово, что греет, горячее Слово,
Песню мою, что стремится из сердца.

4

Вот мое Слово.
Заветное Слово.
Больше скажу, если хватит терпенья.

Гостю нужны кроме теплого крова
Пища, вода и к огню приглашение.
Чтобы весельем был вечер отмечен,
Добрый зверьком из нежнейшего меха
Пусть зазвучат твои добрые речи.
Выслушай гостя и вторь ему снова.
Выслушай, будет правдивым он если.
Вот мое Слово,
Заветное Слово.
Слово же друга — хорошая песня.

5

Вот мое Слово,
Чудесное Слово
Старой, мудрейшей, правдивейшей песни.
Слушай, но помни святее святого:
Не похваляйся, хоть лопни и тресни.
Горем молчание не обернется,
Мудрость всей жизни в тебе остается.
Друга надежнее нету прямого,
Друга без подлости, друга без фальши.
Вот мое Слово,
Железное Слово,
Песней в тайгу уносимое дальше.

6

Вот мое Слово, Заветное Слово —
Песня, которую если забудешь,
То ни о чем не скажешь тебе снова.
Был ты не тем и не тем ты пребудешь.
Песнею Правды душе моей греться,
Песни иной моя плоть и не хочет:
Счастлив, кто мысль заронил тебе в сердце,
Силу Добра, словно свет среди ночи.

Это — живущего первооснова,
Правда и ложь неуместны в сознание.
Вот мое Слово,
Зовущее Слово,
Это мое голубое камлание.

7

Вот мое Слово,
Правдивое Слово.
Больше скажу,
Если слушать ты можешь.
Если ты ярый поклонник хмельного —
Славы своей ты никак не умножишь.
Будь на пиру не хмельным, а счастливым.
Тихо беседуй иль спорь очень жарко —
Не прослывешь среди людей неучтливим,
Если оставишь излишнюю чарку.
Чарки чурайся и мозга пустого,
Что преподносит нам это хмельное.
Вот мое Слово,
Заветное Слово,
Что превозносит тебя над тобою.

8

Вот мое Слово,
Железное Слово.
Больше скажу,
Если слушать способен.
В жизни не так уже мало плохого,
Только не будь ты ему уподобен.
Добрый совет —
Ты его не получишь
Даже порою от самых счастливых.
Тот, кто раздумьями жив, только счастлив.

Это — его благодатная нива.
Мыслью живи ты все снова и снова
В нужных и умных делах настоящих.
Вот мое Слово,
Заветное Слово
И для живущих и в жизнь приходящих.

* * *

Глупец скучает без вина.
Бездарность мудрому видна
Нетрезвых жестов
И речей
И затуманенных ночей.
На месте солнце не стоит.
Земля вращается.
Обид
Немало. Скользок долгий путь,
И ворон каркает в дали
Закатной алой.
Сын земли,
Ты не бессмертен, мудрым будь.

* * *

Владимиру Ветрогонскому

Как счастлив сын, лелея мать,
Храня ее покой!
Какое счастье отдавать
Свой труд земле родной!
И счастье выше птиц взлететь,
Изведать глубь морей
И ночью землю обогреть
Теплом души своей!
И счастье сыном быть земле,
Хранить ее в пути
И честь ее, как амулет,
По жизни пронести!
Чтобы она, твоим теплом
Согретая всегда,
Одетая твоим трудом,
Была б всегда горда
Упряжкой, что мчит по свету
Свистящею стрелой,—
И сын ее в упряжке этой
Олень передовой!

* * *

Славен умом человек,
Духом силен он своим —
Ибо тогда у него
Сила не только в руках.
Подвиг ему по плечу,
Славят в народе его —
Ибо такой человек
Красит родительский род.

* * *

На юге и на севере
Печаль снега посеяли:
В воде — слезой горючею,
В лесах — пургой колючею...
Лосиным криком звучится,
На плесе плачет утицей,
Поджарою гагарою
Боль в сердце будит старую.
Живет и скорбь священная,
По миру бродит стужею.
Безмолвная,
Вечерняя,
Живет она ненужною.
Убавишь шаг неужто ли?
А ты —
Шагай без устали.
Что скорбь-печаль?
Напраслины!
Нет радости, есть праздники.
Ты к предрассветной ранности
Ищи дорогу радости.

* * *

Как прекрасна земля молодая!
Как прекрасен и радостен свет!
Только каждого смерть ожидает:
Миг промчался —
И нас уже нет...

Ликованье — не ведает века!
Дело доброе долго живет!
Человек —
Как цветущая ветка!
Он прекрасен, покуда цветет!

СОСКУЧИЛИСЬ

* * *

Соскучились,
По красоте соскучились,
По мудрости, по доброте соскучились...
Поэтому, наверно, в алом свете
У одного костра в лесной глуши
Мы собрались
И греемся, как дети,
И «Калевалу» слушаем в тиши.

НА СТРУНЕ КОБЗАРЯ

Сначала была песня. Песня под северным небом. На морозном небе ни облачка. Небо прозрачное и звонкое. Лишь на берегу реки полоска тумана. Закованная в лед река дышит, но не поет. Звери, птицы — тоже не поют. Все живое спряталось в норы и берлоги. Лишь какая-то смелая птица отважилась покружиться в воздухе, слабым и медленным полетом оставляя за собой белую легкую полоску...

Орел кружится в небе. И в звонкой тишине я вдруг слышу: «Ревет и стонет Днепр широкий...»

— Неужели птица поет? — удивился я.

— Не птица поет. Соседи наши, украинцы, наверно, поют, — сказала мама.

Морозное небо звонкое. Далеко слышно...

— Так их деревня ведь далеко от нас. Восемь, а может, целых десять километров... Знаю, целый день надо идти, когда пешком, — говорю я маме.

— Морозное небо звонкое. Далеко слышно. И песни украинцев звонкие, крылатые. А крылатой песне мороз не помеха. На звонком морозе песня еще звонче...

И ревет и стонет Днепр широкий, даже когда

трещит мороз, когда закована Обь в лед... Но мне это понятно. Я видел великие волны Оби. Сам на них качался... Весной, когда трубили журавли.

* * *

Когда над водою
Протрубят журавли
Хоть вблизи, хоть вдали,
Все отдастся бедою,
Я на ухо востер.
Жгу смолистый костер,
Тихо трогаю струны
Своего журавля,
Будто бархат стеля,
Будто мох изумрудный.
Тихо-тихо, погромче —
Вызываю к себе
Духов ночи,
Духов жизни,
Духов мира.
Я по жизни метался,
Тучей в небе летел.
И дождем проливался,
И пургою свистел.
Умирал я сосулькой
И рождался ручьем.
Бегай, балуйся, булькай! —
Все тебе нипочем.
Вдруг услышал я звуки
У днепровской излуки:
Там из рук Кобзаря
Восходила заря.

* * *

В руках у меня журавль.
Но держу я не птицу.
В руках у меня торыг —
Журавль, многострунная арфа
манси.

* * *

Что, журавль,
ты в небе стонешь,
Отчего ты, белый,
стонешь?
Стонешь,
будто в небе тонешь.
Будто всех своих
хоронишь.
Будто ты один
на свете.
Подожди,
раскинув крылья,
Надо мной повисни,
белый.
И послушай,
брат твой черный —
Его годы
прокоптили —
У меня в руках
стенает
Всеми струнами
своими.
Сам я был
неосторожным.
Сам я выбрал
путь высокий.

Где же ты, земно-небесный?
Где защита наша?
В срок, назначенный тобою,
Ты не прилетел.
Мне ль, подняв твою бандуру,
Всем взывающим ответить?
Эх, бандура ты моя,
Где ты, белою стрелою по небу летящий?

* * *

Коль не дура ты, бандура,
Никогда не умолкай.
Ведь любой, глядящий хмуро,
Всяк решивший: баста, край,
Улыбнется,
Всколыхнется
И в аду припомнит рай,
Коль в вине своей невинной
Глас твой слышит журавлиный,
Воспылает всякий муж,
Коль шепнешь ему ты — сдюжь!
Он на игрище идет,
Он соперников зовет.
Всех он скопом одолеет,
Лишь бы в жены получить
Не дурнушку, а Богиню.
Не скрывая жаркой дрожи,
Унести ее на ложе
Из мохнатых шкур, из душистых трав,
На дерновое, земляное,
Супружеское!
И возжечь огонь высокий,
И очаг построить прочный,
Изобильный для потомков.
Сбудется ль, — скажи, бандура!

* * *

Я на все глаза закрою —
Пусть дерутся, пусть смеются,
Пусть друг друга обгоняют,
Пусть крылатый конь несется,
Ног не чуя под собой...
Сам вступлю я в бой открытый,
В беспощадный честный бой.
Пой, коль сердце песни просит,
Приласкав бандуру, пой!
Там, где пальцы музыканта
Побеждают струн безгласность,
Там меня не победят.
У моей бандуры струны —
журавлиным струнам в лад —
Раззвенятся ручейками.

* * *

У реки лягушка квакает. Над рекой журавлиная стая летит. По реке лодка плывет. В лодке человек поет. И песня летит над широкой рекой...

Лягушечья песня. Правда. Журавли летят клином. Правда. Впереди вожак. Он не только машет крыльями. Он время от времени курлычет, о чем-то поет. Может, предупреждает стаю об опасности? Может, подбадривает уставшую стаю? А может, журавль-вожак журавлиной песней зовет вперед, в высокий полет зовет?

Журавль летит, напевая журавлиную песню. Правда. Человек идет, поет. У человека своя правда. Он шаман, он вещун, он Кобзарь. Он тоже летит. И песня его указывает путь человеческий. И это человеческая правда.

* * *

Молчу и внимаю Тарасу.
И слышится:
«Думы мои...»
Запрячь бы оленей
И сразу
Сквозь запах таежной хвои
На них, невысоких, крылатых,
Как песни того Кобзаря,
Умчатся к Днепру,
Где как к брату
Ко мне прикоснется заря.
Поднявшись на холм, как на крышу,
Дыханье в груди затаю,—
И там я, быть может, услышу
Великую думу свою...

* * *

Помню... Я играю с ребятами. Ребята веселые, как их мамы и папы. У меня есть только папа. И потому мне бывает грустно, глядя на веселых ребят. Особенно грустно, когда ребята кричат: «Сирота!»

Я старался не обращать внимания на этот крик. Ведь чайки кричат — я не обращаю внимания. Гагары плачут — я не обращаю внимания. Лягушки квакают — я не обращаю внимания.

— Сирота! Сирота! — слышу я опять.

И я заплакал.

Тетя Акулина спросила:

— Почему ты плачешь, милый мой? Я не могу тебя нянчить. Ты уже большой.

Я помню, как тетя Акулина нянчила меня. И теперь она со мной как мама. Вместо мамы...

— Дразнят сиротой...— говорю я ей, утирая слезы.

Тетя Акулина заплакала. Из больших чуть раскосых глаз ее потекли большие слезы.. Они падали на грудь, разукрашенную бисером, бусами. Слезы ее были прозрачны, как бисер, как бусы.

— Почему ты плачешь, Опа-Аги? Опа-Аги, не плачь. Я спою тебе песню,— говорю я уже почему-то повеселевшим голосом. И я спел Песню мамы. Последнюю Песню мамы. Тетя Акулина не слыхала эту песню. И никто не слыхал эту песню. Очень обрадовалась этой Песне тетя Акулина.

— Мань-пыг (маленький сын) помнит Песню мамы, последнюю Песню мамы,— сквозь слезы сказала тетя Акулина и приласкала меня...

Где-то над Обью курлыкали журавли. Где-то в болоте квакала лягушка. Где-то плакала гагара... И я не плакал.

— Ты не сирота! — сказала тетя Акулина.— Ты помнишь Песню матери...

Кто помнит песни матери, воды, земли, родины — тот не сирота!

Читая великого Кобзаря, я опять пришел к такой думе.

* * *

Полночь.

Стынет моя койка.

И не сплю, и не проснуться...

Я сижу возле огня.

Слезы — два ручья полночных —
Замерзают на бегу.
Угасающее пламя
Золотом обведено.
Рушатся зубцы и башни,
В каждой — тень
Души моей.
А подумать —
Ведь иначе и не встретиться
С душой собственной,
Во тьме сокрытой.

* * *

Река бурлит. Раздроблены оковы —
Разгромлен лед.
Когда мое раскатистое слово,
Разрушив своды плена ледяного,
Стихами прорастет?
Я духами клянусь, что в царстве мрака
И вечного безмолвия снегов,
Где от мороза гибли птицы слов, —
Я подыму языческий свой факел.
И двинусь в путь, молчанье сокрушив.
И мглу,
и холод в клочья раздирая,
Я крикну людям, зябнувшим в глуши:
Пусть немота и мрак вас не страшат.
Пусть глухота и холод не пугают.
Пусть вас пугает немота людская,
И сердца мрак, и глухота души!

Кай-о! Кай-о! Йо!
Где же ты, Кобзарь?! Ты ведь должен быть!
Где же пенье твое?
Как собрат,

я обязан тебя оживить.

Вещие силы мои — соки могучего древа!

Способные врачевать,

Властные оживлять —

Где вы?

Ёр-ру! Ёр-ру!

Дыханье!

Ветра порывом — проснись!

Все разметая!

Сухожильями встрепенись,

Суставами содрогнись —

Повелеваю!

Ёр-ру! Ёр-ру! Ёр-ру!

Пусть кровь по жилам — горячей струей,

Как пламя рассвета!

Да вздрогнут ресницы живой травой —

В кипении ветра!

Пусть звуки достигнут

твоего

Пробужденного слуха —

Плачущих по тебе,

Славящих тебя,

Ищущих в тебе

силу духа!

Сердце не молкнет. Память не стынет.

Помню,

Любя.

Дружбой семьи

великой, единой —

Будим тебя!

* * *

Где душа моя сорвется,
Будто палец с тетивы?
Только голову мою
В северной земле заройте
На высоком берегу.
Чтоб я слышал бег реки,
Бесконечный, будто Время.
Поручу земле родимой голову,
А душу — Слову.
Человеческое Слово
Берегите светлой ночью,
Берегите ночью звездной,
В адской буре берегите
И в кромешной тьме душевной,
И когда кричит петух,
И когда поют все птицы.
Под звериный рык храните.
В штиль и в ураган храните.
Сокровеннейшее слово
Человека
Сохраните.
Землю нашу сохраните,
Чтобы мне лежать в Земле,
Вечным временем омытой.

* * *

Читая Кобзаря, я думаю о поэзии...

Поэзия — не просто звонкая песня. Поэзия — зов, плач, откровение. Откровение души, открытой всем ветрам. Откровение души, принимающей на себя все боли и радости Земли. Зов к пониманию Человека. Зов к подвигу во имя родной

Земли, ее красоты и добра. Поэзия — душа.
Песни Кобзаря — подвиг высокой души. В высокой душе — светлая религия. Поэзия Кобзаря — светлая религия украинца.

* * *

Заплакал Тарас в доме крепостного крестьянина.
Засмеялся Тарас в Петербурге,
Овладев кистью художника.
Запев песни Кобзаря,
Тарас Шевченко стал сыном всей Земли.

* * *

Дело поэта — крылатое дело.

Птенец, впервые вылетающий из родительского гнезда, порой падает, и все же летит, обретая под крыльями силу полета.

Вылетел птенец из гнезда и запел.

Запел песню полета... Оставшиеся птенцы слушают летящего и жмутся к родному гнезду, где так тепло, привычно.

А зов крылатой летящей птицы все громче, призывнее.

Вылететь из привычного, теплого родительского гнезда и пропеть всем сидящим в родительском лоне, что пришло время подниматься крыльям времени, — дело поэта.

Дело поэта — крылатое, крылатое слово.

* * *

Суть воды,
Земли
И пламени —
Моя песня.
Пил я воду,
Землю тощую пахал я.
Разжигал огонь в словах...
Я писал пером орлиным,
Я писал орлиной кровью
В сердце, а не на бумаге —
Слово — чашу слез народных.
Так мне велено судьбою —
Проникать во все, что будет
Предрекать удел миров
И людских судеб изгибы.
Как старательно гадал я
На дымящейся крови,
Чтобы знать, в какие бездны
Огненные нас забросит,
Нас, детей Земли несчастной,
Нежной, трепетной, как сердце.
Люди, бедные мои!
Что для вас могу я сделать,
Если Дух покинул вас?
Тяжело страданья видеть,
На сердце темно и страшно.
Но зато как благодатна
Ты, Земля, в моих виденьях,
В золотых полночных снах.

Суть воды,
Земли
И пламя,
Мне бы заговором Землю
Исцелить,
 чтоб в ней журчала,
Как живой воды родник,
Речь украинская наша.

«Взявшись за руки покрепче
И покачиваясь дружно,
Дуновенью ветра вторя,—
Что за песнь поют карелы,
Что за песнь лелеют финны?» —
Это я спросил у рыбы,
Серебрившейся на плесе...
И ответствовала рыба
Перед тем, как вглубь нырнула:
«Это Калевалы руны,
Руны библии рыбацкой!»

«Потесней скамьи сдвигая
И покачиваясь дружно,
Дуновенью ветра вторя,—
Что за песнь поют карелы,
Что за песнь лелеют финны?» —
У летящего по небу
Журавля тогда спросил я.
И ответствовала птица,
Птица ясной белой ночи:
«Это Калевалы песня,
Это — библия охоты,
Это — Книга ночи белой!»

«Под чудесный рокот струнный,
Журавлями, вдохновенно
Здесь о чем поют карелы,
Здесь о чем мечтают финны?» —
У звезды спросил Полярной.
И, во мраке зимней ночи
Засверкав на небосводе,
Мне в ответ звезда сказала:

«Чтоб во тьме морозной выжить —
Пойте Калевалы руны,
Библию полярной ночи...
Чтобы вас не обжигали
Жизни яркие сполохи —
Пойте Калевалы руны,
Книгу северных сияний!»

И пока над белым снегом
Ты идешь полярной ночью
И ее осилить жаждешь,
И пока белеет рыба,
И журавль куда белый
Машет белыми крылами
Над простором белой ночи,—
С нами «Калевала» будет,
Песня радости и жизни!

* * *

«Калевала», ты — мой чум,
Кров мой —
В этот миг летящий,
В век неровный, век скользящий,
В век надежд и трудных дум...
Машет перьями туман
Под крылом железной птицы,
В рваных тучах океан,
Снег сияет, снег искрится.
В ноздри, в уши — нет, не снег
Рвется в легкие — не ветер.
Мы летим, стремим свой бег
Над планетой, по планете...
Опускает крылья тишь,

Ночь спускается на землю —
Как заснуть?
В душе — летишь,
Мысли мчат,
Планете внемлю...
Век летит — и я лечу,
Ритма в веке нет суровом...
Темень ночи я хочу
Повстречать волшебным словом.
Тихим словом дорожу,
Словом правды непреложной...
«Калевалу» я держу —
Словно щит держу надежный.
Об него скользящий век
Бьется,
Снова бьется, снова...
Слышу ритм — олений бег,
Это «Калевалы» слово!
В нем — прибежище для дум.
Ты мой, «Калевала», чум!

* * *

«Калевала»,
Ты — голос ручья,
В чаще звенящий нежно и тонко.
Ты — вдохновенная песнь соловья,
Ты — первозданное слово ребенка.
Из колыбели звучит его зов,
Из колыбели, из отчего края!
Синих озер
И зеленых лесов,
Из родников,
Что сбегают, играя...

И, обращая к ребенку свой взгляд,
Братья и сестры стоят в изголовье,
Мать и отец, улыбаясь, стоят —
На колыбель эту
Глядя с любовью!

ДАЙ РУКУ, ДРУГ!

* * *

Наступление ранней зимы
Узнаешь ты по инею белому.
Наступление ранней весны
По дождю узнаешь ты несмелому...

Как узнаешь, когда наконец
Люди братьями станут на свете,
Мир придет
И согласие сердец
Воцарится на нашей планете?

* * *

Я долго спал, слившись со снегом, сказками дедушки, не ведая о времени, о мире, о себе... Но солнце XX века разбудило меня. Проснувшись, я увидел дорогу, какой не видел мой дедушка. И я пошел по ней... Пошел от берлоги к чуму, от чума к дому, от дома к дворцам, от селенья к городу, от страны к стране.

* * *

Сядем в машину,
поедем — и тут
будто бы крылья
у нас отрастут...
Станем глазастыми,
станем ушастыми,
зорко в дороге
посмотрим вокруг —
здесь ведь гостями
мы не были частыми,
значит — посмотрим,
поедем на юг!

* * *

Мадьяры, кто вы?
Вы — каменотесы?
Кругом камней причудливые груды,
как дикий крик взрывающиеся косо...
Но вот уж на глазах рождается чудо:
кузнечики стрекочут — молоточки,
стучат они и цокают повсюду,
и лишние отколоты кусочки.
И вот оно уже рождается — чудо:
восходит Будапешт каменноликий!
Чтоб этот камень ожил — вы творили,
чтоб он запел — трудились и искали...
Средь каменной блестящей этой пыли
свое вы вдохновенье высекали..
И покорился камень вам упрямый,
в глазах у вас и радость, и надежда,
и город-конь
несется в вечность прямо...
В каменноликом взоре Будапешта,
в садах, что вниз нисходят по террасам,
увидел я далеких предков душу,
свободный их, наивный чистый разум...
Я клятвы — помнить предков — не нарушу!
И понял я, к чему уж тут вопросы,
кто вы, мадьяры,—
вы каменотесы!

Причудливые камни, валуны.
Блестит передо мной Дунай седой,
живой играет быстрою водой,
а небо тут такой голубизны!
Как грудь коня встает при свете дня
крутой утес...

Безоблачная высь...

Хочу я сесть на этого коня.

Я подхожу, твержу себе:

«Садись!»

Пред временем, пред ликом этих скал,
пред вечностью несущейся волны

я думаю — когда я увидел

впервые эти камни, валуны?

Тысячелетья, может быть, прошли

с тех пор, когда народом кочевым

сюда я шел, на дальний край земли,

и ел глаза

козлов походных дым...

Мне кажется:

сизу я на коне,

я только опустил свое копье,

смотрю, дунайской радуясь волне,

в глазах — сиянье вечное ее...

В ней предков наших дальних

пот и кровь —

и Венгрии сегодняшняя новь!

* * *

Солнца жар. Карпатская прохлада.
И долин зеленые просторы,
и дома — как белые шатры
в стане тех кочевников старинных,
пролетавших на конях крылатых,
чьи глаза — подобье виноградин...
Кони те на водопой вставали
у скалистых берегов Дуная.
Тут сбылись мадьярские надежды,
тут народ, очнувшись от полета,
место постоянное обрел,
жизни смысл обрел —
простой и светлой...
Он своих коней остановил,
луки опустил, забросил стрелы...
Сердцем, что полно добром и светом,
потянулся к плугу —
зазвенела
песня животворная свободы,
песня мира, жизни и любви!

* * *

Венгрия,
чудесная страна,
сколько благодатной тут земли!
Солнцем вся она озарена,
ноги здесь
как будто сами шли...
Было видеть радостно глазам,
как сады прекрасны и трава,
было слышать радостно ушам
близкие, знакомые слова.

Все, что здесь услышишь,—
ты поймешь,
а ответишь —
и тебя поймут...
Неба голубее — не найдешь,
сердце песни
сочиняет тут!
Нам, мансийцам, родственный народ,
ясные, знакомые слова...
Все журчит,
ликует и поет —
наша дружба вечная жива!

* * *

Венгерской певице Ченгери

Вовеки мне не забыть
Колдующие глаза,
И линию гибких рук,
И голос волшебный твой.
Вливался мне в душу он,
Как первой любви слеза,
Когда я ему внимал
В пыланье страсти святой.

Когда я ему внимал,
Во мне просыпался вождь.
Охотник древних лесов.
Кочевник вольных степей.
Во мне просыпался рыбак,
Плывущий в туманный дождь
За чудо-рыбой из снов
И сказок земли моей.

А страстная песнь любви,
Что пела, колдунья, ты,
Пленительна и нежна,
Как ночи твоей страны,
Несла меня в дивный край,
Где радуют глаз цветы,
Где скрипки чаруют слух
Мелодиями весны.
Шаманка, сирена, страсть —
Меня увлекаешь ты,
Как лунный свет на снегу,
Как ясного неба ширь.
И грудь до краев полна
Восторга и чистоты.
И я обнимаю тебя.
И Венгрию.
И весь мир.

III

Морей немало бурных на планете.
И в здешнем ходят, хоть ветра теплы,
как белые полярные медведи,
вдоль берега туда-сюда валы.
Идет стихия на любую хитрость,
пытаясь поглотить упрямый челн,
но острогрудый и крылатый «Кипрус»
все принимает: и рычанье волн,
и мощные удары лап сердитых,
и зной, не ослабевший к ноябрю...
И я, как современник Афродиты,
на бурю с борта «Кипруса» смотрю.

IV

Киприоты,
вы бурного моря наследники.
Не безмолвны, как рыбы,
не мертвы, как шаманы последние.
Ваши боги застыли, как глыбы,
над пьедесталами.
Но живете вы вовсе не их идеалами.
Лишь живые, вперед неустанно идущие
могут видеть сегодня
ликующий образ грядущего.

V

Чтоб ваша лодка в завтра доплыла,
противоборствуйте пучине зла!
В себе несите столько доброты,
сколько плодов несут ваши сады.
Соединив в одно свои сердца,
тропой борца идите до конца.

IX

Унынье — смерть, а веселье — жизнь.
Сам для себя дилемму реши.
Унынья страшись и, смотри,
не лишись

улыбки — солнца твоей души.
Улыбка — твой посох,
улыбка — врач,
улыбка — маяк вдали.
Улыбка — твой безотказный толмач
в любом уголке Земли.

X

Я плыву по морю Афродиты,
плечи пеной кружевной обвиты.
Мое тело, чтоб тепло в нем не погасло,
нежат струи, как оливковое масло.
В моем сердце от такого солнца
тает лед веков и песней льется.

XI

Про что мне петь?
Я вновь спою про это,
про главное для вас и для меня:
добудем славу лучших зодчих света,
ваятелей сияющего дня.
Пусть будет нелегко она добыта,
но пусть живет, грядущий день храня.
Так увенчай надеждой, Афродита, —
венцом всех самых добрых Муз! —
меня.

МНЕ ТЯЖЕЛО СЛЫШАТЬ О ВОЙНЕ

1

Речь о войне
печалит меня.
Игрище крови,
злости, огня...
Атома век?
Космоса век!
Мыслью высокой
жив человек.
Так почему же
бродит вокруг
низменный волчий дух?
О человек!
О твоём назначенье
как мне понять
золотые реченья,
если однажды
в войне нелепой
станешь ты тенью,
прахом и пеплом?

2

Белый и черный,
красный и желтый,—
кто-то унижен,
кто-то возвышен...

Как до такого деленья дошел ты,
мир, что живешь под единою крышей
синих небес,
золотых облаков...
Ох, эти распри
рас, языков!..
С болью гляжу в искаженные лица.
Вроде семья — почему б не ужиться?

3

Эй ты, просвещенный Запад,
что хвастаешь гуманизмом,
что слезы сентиментальные
над мертвой лягушкой льешь!
Зачем создаешь убийства
бездушные механизмы,
армадой нейтронной, атомной
зачем на природу прешь?
Храню мои реки чистые,
луга берегу зеленые,
свою дорогую женщину,
как белую ночь, люблю.
Как солнце, люблю я родину
и земли иноплеменные
не трону корыстью-завистью, враждою
не опалю.

А жаден я лишь к застольям,
разноязыким, дружеским,
где каждый родным преданием
и сказкою одержим.
В гостях лишь от взгляда женского
в хмелю голова закружится,
а если и позавидую —
так только стихам чужим!

Ну так пускай же
кончится срок
зла и насилья, бед и тревог.
Чтоб непреложными стали реченья
о человеческом назначенье.
Пусть божеством
подлунного края
станет Любовь
и Мудрость людская.
Чтобы семейный мир обрели
в добрых свершеньях
народы Земли.

НА АЛТАЕ

Над очагом баранина дымится.
В сухих дровах блестит смола янтарно.
Трещат дрова. Журчит струя кумыса.
Звенит хомус протяжно и гортанно.

Звенит хомус. А кони за стеною
Порой заржут протяжно и печально,
Как будто вдруг незримою струною
В наш век железный Вечность зазвучала.

Горит очаг, и дым относит ветром.
И облака теснятся невысоко
К холмам округлым, пикам островерхим
Алтайских гор, темнеющих с востока.

И понял я: покоя и уюта
В кругу друзей что может быть дороже?
И кажется, на чум похожа юрта,
И кажется, Алтай с Уралом схожи.

На том, судьба, с тобою примиримся,
Что, нарушая дней однообразность,
Ты даришь мне тепло гостеприимства
И дружества нечаянную радость.

Горит очаг. Баранина дымится.
В сухих дровах блестит смола янтарно.
Над пиалой журчит струя кумыса,
И жизнь поет протяжно и гортанно.

* * *

Век велик! В делах он возвышается,
Что великой мощью свершены.
А ко мне уж Осень приближается
С желтыми зрачками тишины.

Мне не спится этой ночью хмурою.
Слух мой, как журавль, насторожен.
Вьется Обь, как будто взбита бурей,
Грудь о грудь сшибаясь с Иртышом.

Что ж их помutilo, растревожило?
Что так ропщут, волнами трещат?
Почему взлетело пены крошево
И висит над водами, как чад?

Нити грусти тянутся над бездною
С лунного высокого клубка...
Стон гагары через тьму безвестную
Долетел ко мне издалека.

«Неужель стеной железной схватится
Вечный ток Оби и Иртыша?
Неужели реки вспять покатятся?» —
Крик несется, сердце мне круша.

Век — велик. В делах он возвышается,
Что великой мощью свершены!
Только в сердце, в сердце не вмещается
Стон гагары и беда волны...

**КАМЛЕНИЕ РИЗЕ ХАЛИДУ
В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ**

В обычае нашем,
Как древний герой,
Наполни чашу,
Друг дорогой!
Кружусь, камлаю —
За кругом круг,
До самого края
Наполни, друг!

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Чаша, словно жизнь, полна,
Вся искрится светом!
Осуши, мой друг, до дна
Исповедь поэта!

Друга нелегко найти,
Но нельзя без друга —
И оступишься в пути,
И закружит вьюга,
И дороги не сыскать
Во поле буранном,
И врагу отпор не дать
В правом деле бранном.

С другом мы в одном строю,
Обниму по-братски,
Слушай исповедь мою,
Выпей по-солдатски!
Потому очаг зажег,
Открываю душу,
Чтобы друг согреться мог,
Исповедь послушать.
Пусть согреет мой очаг
Путников усталых,
Верных кошек и собак —
Домочадцев малых.
Чтобы среди полярных льдов
Звонко птицы пели,
Чтобы сполохи цветов
Землю отогрели.
Чтобы, пробудясь от сна,
Набухали почки —
Разворачивай, весна,
Клейкие листочки!

Ну, а злобным крикунам
Бубен мой ответит —
Тем, кто смерть готовит нам,
Места нет на свете!
Бубен, бубен, бубен, бей!
Их породе рыбьей
«Колыбельную смертей»,
Бубен, бубен, выбей!

Так за наш Очаг Родной,
За согласие наше
Выпей чашу, дорогой,
Выпей Дружбы Чашу!
Бубен, бубен, бубен, бей!
До скончанья века!

Пусть же пенится полней
Чаша Человека!
Чаша до краев полна —
За Страну Родную
Выпей доброго вина
Чашу круговую!

* * *

Вере Прокушевой

Говорила: «Русский не заметит...
Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело».
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела...

Сергей Есенин

Пусть луна взаправду тускло светит,
а печаль придумана не мной —
русский все заметит и приметит
даже и под тусклою луной.

Жизни — свет, а сердцу песнь подарит,
чтоб она, ликуя и звеня,
возносила в солнечные дали
и была подобием огня...

Было все пред Вашими глазами —
синью, что в есенинских стихах:
плакал я такими же слезами,
только песня мерзла на губах.
Хоть слова таинственные пели,
но не жгли до самого нутра —
потому что в парус колыбели
дули не рязанские ветра.

Но когда однажды к Вам пришел я,
отключился слух Ваш от всего,—
русское его качнулось поле,
вздвогнув от камланья моего.

Я стоял пред Вами на пороге,
словно дух Метели и Огня,
будто все языческие боги
исторгали ритмы из меня.

Русский все заметит и приметит:
сердцу — песнь, как будто жизни свет.
И живу я словно сто столетий.
И иду по тундре столько ж лет.

И мое высокое камланье
никогда не кончится в груди.
И горит полярное сиянье,
обещая бури впереди.
И хотя медведицею бродит
вкруг меня жестокая зима —
на вершине голой,
в непогоде,
не сойдет душа моя с ума.
Лед растает в солнечном рассвете.
Песня станет сказкою земной...
Русский все заметит и приметит
даже и под тусклою луной.

НАЗОВИ ПО ИМЕНИ

Вы спросите:

— А кто такие манси? —

Мы — манси.

Нас на свете очень много:

ведь белка, утка, соболь или стерлядь —
все это мы, мы скачем и летаем...

Оленями, не знающими страха,
несемся по седым уральским склонам,
которые, как манси, стародавни...

Мы, словно гуси-лебеди, летаем,
сны белой ночи пронося на крыльях.

Мы нельмами плывем и осетрами
по той реке, что Жизнью именуют...

Кедр — тоже манси.

Он — колючий манси,
смолистый манси. Зрелые орехи
на крупных шишках — это очень вкусно!

Вот он стоит — на нем резвится белка,
мудреный след на нем рисует соболь.

Шагая с лайкой, манси запеваает,
себя считает он Большой собакой,
а голос подает он — это значит,
что он тоскует по Большому лесу,
где все давно друг друга понимают...

Так думали отцы и предки наши,
себя не отделяя от природы...
Они искали с нею пониманья,
оправдывая званье Человека.

Словно в забытом уголке земли
Словно в забытом уголке земли
Тут в забытом уголке земли
Отшельник в забытом уголке земли
Где в забытом уголке земли
Месяц в забытом уголке земли
Широк, бездонно голубой
Словно в забытом уголке земли
Видно в забытом уголке земли
Углубил в забытом уголке земли
В забытом уголке земли
Мне туманной дымкой
Нилити на забытом уголке земли
Было в забытом уголке земли
В забытом уголке земли

Тут другие гуси и гави
Только этот месяц мой любимый
Как вода болотная алая
Как еще алая
Роскошней алая

И еще немного отблеска
И предвещает эту алая
Не такую воду в алая
На большой воде моя алая!

* * *

Кто я и откуда родом? —
Я рожден своим народом,
Что по снежной целине
С нежной думой обо мне
Путь прокладывает новый.
С ним и я в борьбе суровой
Буду рядом до конца,
Чтобы добрые сердца
Не болели, не старели,
Чтобы злобные метели
Не стучались к людям в дом,
Отступив перед добром.

* * *

Стих мотор. И лодочка моя —
Словно листик, сорванный с куста...
Тут нашел приют недолгий я,
Отмель так песчаная чиста!

Месяц юркой рыбою повис,
Широка, без края, гладь реки...
Отдаленный покидая мыс,
Ввысь гусей взлетают косяки.

В крике их мне слышится испуг,
Мне туман речной сжимает грудь —
Нелегко на склоне лет, мой друг,
Было отправляться
В дальний путь.

Тут другие гуси и река,
Только этот месяц мне знаком...
Как вода большая далека!
Как еще далек
Родимый дом!

Я еще немного потерплю —
И преодолею эту даль...
Не такую воду я люблю —
По большой воде моя печаль!

До нее дойти мне нелегко,
Эти реки — заросли травой,
Лишь в небесной сини,
Высоко,
Месяц рыбой плещется живой...

* * *

Ты человек — и оттого
ты должен думать шире
о мире сердца своего —
и о всеобщем мире.

И если ты не бросил тень
на мир враждой угрюмой,—
то не напрасно прожил день.
Всегда о мире думай!

ЗАКЛИНАНИЕ ЛЮБВИ

Кто
Так
Так
Так

* * *

На серебряном плесе
Золотой богиней
Расплескалось солнце...
Плес как зеркало.
Так в душе моей
Сияешь ты.
И в каждой встречной
Ищу твой взгляд.

ЗАКЛИНАНИЕ ЛЮБВИ

Всякую дичь
Тундры и чащи,
Всякого зверя живого
Я призываю
Вещим,
 горящим,
Тихим,
 колдующим
 словом.

Словом — как женщина-чаровница,
Жгучим, дремучим,
 новым.

Всякого зверя,
 всякую птицу

Я призываю словом.
Селезня я вожаком беру,
Селезня молодого.
Крыльев его отлив поутру
Отблеска неземного.
Крик негромкий его над затоном,
Крякву зовущий ночью,—
Так жаждущий просит воды,
Так стонет
Гибнущий от одиночества.

Селезня я беру в жожаки,
Селезня молодого:
Мыслию, песней

мне помоги,

Делом и словом!
Закрякает кряква в лучах восхода,
В тростнике и осоке, в росах.
Лосиху заставлю войти в воду,
Женщину — платье сбросить.
Заставлю женщину обнажиться.
Склониться передо мною.
Заставлю вспыхнуть и заискриться
Раскрывшейся красотой.

Женщина... Вот и она.

Тайной увенчана.

Молодая, загадочная, как луна.

Женщина...

Истинно так.

Истинно.

Я петь начинаю.

Женственная,

Таинственная,

Кто ты такая?

До дичи вчерашнее расстояние я

Отдаю сегодняшней данью.

Сегодня пользуюсь

Сегодняшнего дня

Расстоянием.

Истинно так.

Истинно.

Женщина, кто она?

Богиня таинственная?

Далекая луна?

Шерстистая медведица

В чаще лесной?

Женщина.

Лик ее светится
Полной луной.
Стань близкой...
Но хочешь ты быть таинственной
Луной...
О, я заставлю,
Заставлю явиться тебя
Передо мной!

Я покрываю лицо свое сажей,
Словно гримом.
Стану для дичи,
Для зверя каждого
Стану незримым.
Неузнаваемым стану однажды
И до конца.
Где пронизательность ваших глаз,
Ваше чутье?
Дух мой высокий —
Что он для вас?
Или сердце мое?
Сзади три глаза

есть у меня,

Три
Глаза.
Всякую вспышку
Злого огня
Они замечают сразу.
И если дорога, которой шагаю,
Злом обозначена,—
Злой дух,
Злой зверь,
Женщина злая —
Станут незрячими.
Сзади идущих
Женщину,
зверя

* * *

Я крылатого оленя
Заарканил бы, заарканил...
А любовь свою, любовь свою
Заарканил не могу.
Тот олень быстрее ветра
Мог помчаться бы, мог помчаться...
Только камни-великаны
Вырастают на пути.
Так и мы с тобой могли бы
Вместе быть, моя дорогая,
Только люди злое слово,
Злое слово скажут нам.
Вечно бы олени мчались,
Если б только сил хватило...
Вечно б ты меня любила,
Да разлука тяжела.
Я крылатого оленя
Заарканил бы, заарканил...
А любовь свою, любовь свою
Заарканил не могу.

* * *

Мы в спорах с друзьями пристрастны
и строги.

Бывает.

Друзей, как оленей, теряем в дороге.

Бывает.

Вином распалаясь, любовь зажигаем.

Бывает.

В вине утешаясь, любовь забываем.

Бывает.

* * *

Туманна ночь, что разделила нас.
Вся грусть сердец обращена к разлуке.
Встречаем день огнем печальных глаз,
А вечером в тоске ломаем руки.
Как крепок узел, что связал в одно
Тоску с отчаяньем, его не разрубить, и
Лишь злую боль изведать нам дано
В надежде, в ожидании, в наитье.
Еще не разгорелась наша страсть,
Когда блеснуло лезвие разлуки,
Воспоминанья огненная пасть
Ее воспламеняет, множа муки.
Вот гуся дикого печальный, долгий крик
Проносится над лесом, над туманом;
Молчит журавль, как будто он проник
В мою тоску, над журавлиным станом.
Кусты, деревья, реку, камыши,
Глаза мои и боль туманом скрыло.
О, я молчу, я думаю в тиши —
Теперь и слово сердце б мне пронзило.
Но как сказать мне про любовь и боль,
Как сквозь туман тебя теплом окутать,
Хотя бы мыслью встретиться с тобой —
Лишь о тебе теперь могу я думать.

Я лишь клочку бумаги в тишине
Свою печаль доверю... Ты наденешь
Печали крылья, прилетишь ко мне
И эту ночь туманную развеешь.

* * *

Все кончено? И ты не пишешь мне?
Не верю я. Все кончено? Не верю!
Легко снегам растаять по весне,
Но тяжело мне оплакивать потерю.
Любовь как снег, что блещет вдалеке...
...Но если снег разлука растопила,
Я — мертв, подобен высохшей реке,
Чье русло бесполезно и уныло.
Нет больше для меня воды, огня,
Нет колдовства и нет живого солнца,
Все кончено отныне для меня,
Мне только память, память остается!
У памяти веселый голос твой,
Она, как ты, мила, голубоглаза...
Так память верная умеет быть тобой,
Что различить я вас могу не сразу.
Я задыхаюсь в колдовском огне
Чудесных глаз, и губ, и рук... Но что же,
Все кончено? Не помнишь обо мне?
Но память плачет, сердце мне тревожа,
Не веря, что меня не вспомнишь ты,
Взглянув на звезды, на луну, на белый
Блестящий снег. И я из темноты
Шепчу: ответь, приди, что хочешь сделай,
Ответь, что хочешь, больше мне невмочь
Терпеть разлуки ледяную ночь!

* * *

Напиши мне единое слово —
Когда мы увидимся снова?
Когда засияет над нами
Ночь колдовскими огнями?
Напиши на снегу, на камне,
Пусть поведают облака мне,
Пусть по воле твоей звезда
С небосклона шепнет, когда.
Вспомни сказочной ночи горенье,
Вспомни жаркого ветра волненье,
Когда твое гибкое тело
Над созвездьями неба летело.
Дивной музыки вспомни движенье,
Вспомни в небе свое отраженье...
Улыбался нам месяц златой,
Восхищенный твоей красотой.
К нам летела на крыльях небес
Вся Вселенная. Море, и лес
И озера, и реки, и горы
Устремляли на нас свои взоры.
Эта ночь умерла бы без нас,
Запропал бы без нас этот час,
Этот снег не искрился бы, эта
Луна не давала бы света.
Голос твой так во мне отзывался,
Что я будто бы снова рождался,
Так пронзали меня сквозь ресницы
Глаз твоих огневые зарницы.
Напиши мне единое слово —
Когда мы увидимся снова?

* * *

Кто меня околдовал?

Кто?

Кто мой разум помутил,

кто?

Кто с усталых глаз сорвал

сон?

Кто мне сердце полонил,

кто?

Светлый блеск ручья любви —

он

Ослепил. И ночью и днем

Напрягаю слух: пой, живи,

Ликование любви в нем.

Из живой воды пришла

ты!

Рождена в счастливый час

ты!

Мне блеснул ручья любви

блик,

Вижу в нем я светлый твой

лик,

Слышу в нем я нежный твой

смех.

Оживил мне сердце твой

смех!

О ручей, всех холодней и звончей,

Утолишь ли мою жажду, ручей?

* * *

Я в памяти нежусь, как в мягкой волне,

Как в чистой воде серебристой

И жаркой, как жаркое южное море,

И нежной, как нежное южное море,
И томной, как томное южное море...
Но нет, не томленья таится во мне —
Твой облик — таинственный, близкий,
Как сон, как волна, как надежда, как нега;
И я погружаюсь в твой образ, как в небо.
Я счастлив, как счастлива рыба большая,
Когда, золотой чешуею сверкая,
В воде серебристой не ведает горя,—
В той жаркой, как жаркое южное море,
В той нежной, как нежное южное море,
В той томной, как томное южное море.

СКАЗКА

Сказка... В лунном озаренье
Светлый лик,
В мире снежном на мгновенье —
Лунный блик.
Был я счастлив в лунном свете,
Но седая ночь
Колдовские чары эти
Гонит прочь.
Снова я один, в ненастье,
На большом снегу
Память лунную о счастье
Берегу.
Я живу как в поединке
Тьмы и красоты,
Разлетаются, как льдинки,
Лунные мечты,
Старый пес их лаем резким
Отгоняет вдаль.
В целом мире не с кем, не с кем
Разделить печаль.

Льется лунный свет суровый,
Холоден и бел,
А ведь раньше был медовый,
Раньше грел.
Лунность озаряла царство
Губ твоих и рук,
О, как ты была прекрасна,
Нежный друг!
Сказка, лунное виденье
В тишине ночной,
О, хотя бы на мгновенье
Будь со мной!
В свете нежном и медовом
Появись,
Самым сокровенным словом
Засветись!
Я хочу, чтобы в последнем
Странствии моем
Ты сияла ярким, летним,
Колдовским огнем.
В мире хладном, лунном, снежном,
О тебе скорбя,
Буду я в молчанье нежном
Ожидать тебя!

ЗАКЛЯТЬЕ К НОВОЛУНИЮ

— Что ж ты,
Месяц новорожденный,
К небу черному
Пригвожденный,
Ледышками звездными
Охлажденный,
Узкий и острый,
Хоть тащи на покос,
Что ж ты, месяц,
С небесной окраины,
Из звездной чаши,
Утробной тайны,
Из юности юной
Что ж ты принес?!

— Что я принес?
Добро, не худо!
Простое счастье,
Простое чудо
Жизни —

звона,

жужжанья,

туда

Во всей бесконечной,
Новорожденной
Земле.

«Влюбленным — тьмы,
А премудрым — света,
Прекрасным старцам — многие лета», —
Начертано
На моем челе!

* * *

Слушай, луна, слушай, заступница страстных,
Вечным светом своим нас облеку...
В небе ночном идешь ты синей дорогой,—
Верной звездой будет сиять наша любовь.

* * *

Что в силах я поведать о любви?
И что, в конце концов, она такое?
Быть может, это ручеек звенящий,
Поющий песню звонкую весны;
Быть может, боль от нежности великой,
А может, нежность от счастливой боли;
Быть может, это радостная жертва,
Такая, что и жизнь отдать не жаль;
А может, это просто буйство плоти
Иль темной ночью истовый экстаз;
А может быть, томительный покой
И мысли в полдень о вечерней неге;
А может, пробужденье на заре
С одной-единой благодарной думой
И с сердцем, окрыленным, словно птица,
В надежде на одно мгновенье счастья;
А может, каждодневная мольба
За милое возлюбленное сердце;
А может, песнопение души,
Творимое с хвалою на устах;
А может, это две большие рыбы,
Плывущие, касаясь плавниками;
А может, это два больших медведя,
Бегущие по девственной тайге;

А может, это просто в полусне
Два человека рядышком шагают,
Глядят друг другу ласково в глаза,
Вдыхая воздух счастья и согласия?
Любовь, любовь... Одно я знаю твердо:
Она всегда сама себя питает
И истощает лишь саму себя;
Любовь и есть сама себе владыка
И потому сама себе судья.
И пусть под опереньем у нее
Ты обнаружишь острый нож, который
Так больно вдруг по сердцу полоснет,
Ты в гневе от любви не отступайся,
Затем, что боль с любовью — две сестры.
Любовь душе отращивает крылья,
И с нею камнем падаем на землю;
Любовь нас сотрясает до корней
И поднимает на вершины духа.
И к женщине любовь нас возвышает,
Любовь к Отчизне — окрыляет сердце!

* * *

Я лиственница — северная женщина.
Под светом белой ночи я стою,
И, северным сиянием увенчана,
Я расцветаю в северном краю...
Качаюсь и склоняюсь над землею,
Играю я хвоею-бахромою
Так, как береза южная — листвою.
Она меня не забывает, — где-то,
Подобно ей, тяну я руки к свету.
Одной мы песней связаны живой.

ПРИЗНАНИЕ

Я встретила тебя будто бы случайно,
Но едва я в глаза твои взглянула
(В них душа так и пылала жаром!),
Поняла, что я люблю тебя, путник.
И еще я поняла, что пламя
Любви моей станет жечь тебя, ласкать,
но и мучить.

И еще я в глазах твоих увидала
Много мелких зверушек — то страсти были,
Глазки их в твоих глазах укрывались
И, хитрые, так всюду и сновали.
Я спасу тебя от вредных тварей,
Что душе вредят, как кроты кореньям.

Но еще, — и должен ты запомнить это, —
Любовь моя даст тебе много силы,
Но и тяжести она тебе прибавит
(Знаешь ведь, чем крупнее рыба,
Тем трудней ее выволочь на берег).
Так решай, по силам ли тебе ноша?!

* * *

Быть бы мне красивой,
Стать бы мне счастливой,
Не склоняться к речке
Одинокой ивой.
Красоту девичью
Уберечь — не сглазить;
Да мечту о милом
В сердце не изгладить.
Мне б дожждаться счастья —
На заре туманной
На краю деревни
Ждал бы мой желанный.
А меня б подруги
С ночи нарядили,
Отвели на берег,
В лодку усадили.
Ты б весло мне сделал,
Звонкое весло любви,
Из золотого кедра —
Легкое весло любви.
В дом из белых сосен,
Островерхий, новый,
Мы б вошли с тобою
На порог сосновый.
В десяти перстнях рукою
Ты б мне дверь открыл,

В белый дом из светлых сосен
Ты б мне дверь любви открыл.
В люльку из упругих
Северных черемух
Нас бы уложили
В золотых хоромах,
На одну подушку
Головы б склонились,
Чтоб сердца согласно
До рассвета бились,
Чтобы в светлой колыбели
Счастья и любви
Наши дни легко летели
В счастье и любви.

ЗАГОВОР С ТРАВОЙ

Знаю я одну траву,
В полночь я ее сорву,
До зари ее сварю
И над ней проговорю:
«На других не смотри,
Да ни с кем не говори —
На меня лишь смотри,
Со мною говори!
Лад! Лад! Лад!»

Зелье, снадобье, трава!
Права я или не права,
Но тебе по силам
Меня оставить с милым.
Пусть не смотрит на других,
Пусть от глаз моих больших
Кружится голова!

Варись, трава,
Под мои слова.
Лад! Лад! Лад!

Ты варись, трава,
Силы набирайся,
И мои слова
Запомнить старайся:

От тоски по мне
Пусть горит он, как в огне,
Пусть дождусь дружка
Я издалека!
Лад! Лад! Лад!

ЗАГОВОР ПРОТИВ РЕВНОСТИ

Ревность крадется, как дикий зверь,
Ходит кругами, как дикий зверь...
И все теснее круги смыкает —
Не убежать от него теперь.
Страшен этого зверя рык,
Ал, кровожаден его язык...
Но если ворвется он в твое сердце,
Я и схвачу его в этот миг.
...В алой крови зелена трава,
Но боль у мертвого зверя мертва...
Будет мертва в твоём сердце ревность —
Станет ясна твоя голова.
Ревность бежит по следам твоим
Зверем бешеным и слепым.
Я усмирю ее своим словом,
Словом огненным, золотым.
Зверя убью я, шкуру сниму,
Мехом ее я тебя обниму...
Пусть она греет тебя, как любовь,
Сердцу желанная твоему.

Ревность разит, никому не веря...
Сердце! Убей в себе лютого зверя!

* * *

Мой желанный прям и статен,
Брови черные вразлет,
В обращении приятен,
Воли гневу не дает,
Кедра выше,
Ели краше,
И глаза круглей луны,
И медведь ему не страшен,
И метели не страшны.
И не жаден, и не лжив,
Благороден, справедлив,
И упряжкой верно правит,
И в несчастье не оставит —
За меня стоит горой
Мой избранник дорогой!

* * *

Поколение мое окрыленное,
Светоносные люди-друзья,
Это к вам, через сердце влюбленное,
Прорывается песня моя!

Среди вас есть такая красавица!..
Для Нее, для Нее, для Нее
В песне-пламени бьется и плавится
Окрыленное сердце мое.

И приходят слова неизвестные,
И слагается песня, вольна...
Ох, друзья мои, птицы небесные,
Среди вас журавлиха одна,

Журавлиха одна, длиннокобая,
Жизнь моя только с ней и легка...—
Стройнотелая, звонкоголосая,
Прорезающая облака,

И сама точно облако нежное,
Серебрящееся в вышине...
Только с ней мое сердце мятежное
Мягким стало, как снег по весне.

Но растают снега и раскатится
Половодье — живым серебром;
Ну зачем ей на зеркальце тратиться,
Отразившейся в сердце моем!

Я дарю не снега ей весенние,
Ей не зеркальце даже дарю —
А дарю я Ей Слово-Спасение
И крылатую Песню-Зарю!

У ОГНЯ

* * *

Знает не тот, кто много жил.
Знает тот — кто много дорог исходил.
Много дорог — у знатока.
У идущего — много дум.

* * *

А теперь я стал другим —
Словно кедр большой,
Что под грузом долгих зим
Постарел душой...

Как начнут меня бранить —
Не бранюсь,
Как начнут меня корить —
Покорюсь,
Как начнут меня чернить —
Я смирюсь,
Как начнут меня винить —
Повинюсь...

А толкнут —
Упасть могу,
Буду недвижим,
Словно дерево в снегу
Долгих зим...

* * *

Мы прошли с тобой, сердце,
Сквозь ветер, и снег, и мороз.
Я не жаловался,
И моих ты не видело слез.
Был я тверд, и упрям,
И надежен, как верный олень,
Что бежит впереди,
Презирая
Усталость и лень.

* * *

Если из света меня сотворили,

Где он, мой свет?

Если меня из огня сотворили,

Где мой огонь?

Если из воздуха,

Что ж во мне легкости нет?

Если из влаги,

Что ж влага не смочит ладонь?

О, почему моя жизнь

Так течет сквозь года,

И блещит, и бурлит,

Как живая вода?

* * *

Сын журавля,
сын облака седого,
сын ветра над водой,
когда решишься ты
идти на бой за правду на земле,—
сын журавля,
расправь большие крылья,
сын облака,
взлети в большое небо,
сын ветра,
над становьями людскими,
как весть о переменах,
пронесись!
Избыток жира пагубен для птицы,
избыток слов погибелен для песни,
так будь же краток,
как слова любви!
Сын журавля,
стань песнею крылатой,
сын облака,
будь в помыслах возвышен,
сын ветра,
раздувай костер Добра!..
И да свершится правда вековая!

НЕВЫСКАЗАННОЕ СЛОВО

Все, что не высказал,
казнит меня, казнит!
Невысказанность
грудь мою теснит.
Как уголья,
изнанку естества
пекут неизреченные слова.
Они сперва заюют про вину,
потом заюют волком на луну,
потом дерут клыками изнутри
измученное тело до зари...
О, что за боль —
без голоса кричать,
когда уста —
свинцовая печать,
когда от дыма
пухнет голова
и жгут неизреченные слова!
Вот вырвется одно из них
на свет,
светящийся
во тьме прочертит след
и сядет жгучей искрой
на корье,
на хлам,
на срам,

на прочее старье,
на груды слов,
постыдных
и пустых,—
и только дым останется от них!
Печет, печет
святая искра грудь!
Невысказанных слов
не обмануть!
Не утаить
камлання про Добро!
А рот зажмут —
так проскрипит перо:
— Слушайте!
Как в таежной избушке нежданного

гостя,

слушайте!
Все, что слушать мешает,
рукой, как мошку, отмахните
и слушайте, слушайте, слушайте!
Время Истины
за окном.

* * *

Перешагни через огни!
Не дым, но дом под ним любя,
Перешагни; перешагни,
Перешагни через себя!
Перешагни через траву,
Что обагрил, охотясь, ты!
Перешагни через жратву,
Дух отличи от духоты!
Себя от рыси отличи,
От росомахи отличи,
Себя от зверя отличи,
Постой,
Помысли,
Помолчи!
Припомни дым,
Припомни дом,
Припомни годы без пути
И правду о себе самом
В душе своей сумей найти.
Лишь в ней единой — суть твоя,
И соль твоя,
И боль твоя,
И смерть твоя,
И снова радость бытия.
Перешагни через себя —
Другой дороги к Правде
Нет!

* * *

Вода с Урала пахнет хрусталем,
Звенит прозрачно, весело играя...
Свой дух таит
Болотный водоем,
А чистая водица дождевая,
Что радостно струится надо мной,
Имеет вкус,
Ей ведомый одной...
Природы вкус
Высок и безупречен.
Лесам и зверю сокращая век,
Ты что ж с природой
Так нечеловечен —
Ее венец и гордость, человек?
Как редко, робко,
Лености в угоду,
Ты защищаешь мать свою —
Природу!

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

Теперь ты закричал:
«Я — царь природы!»
Да, ты могуч! Взираешь с высоты —
Ты изобрел машины, пароходы,
Но Человеком
Вправе ль зваться ты?
Зачем тебе могущество такое,
Что погубить способно
Все живое?

Доколе мы
Терзать природу будем,
Ее сжигать, травить и убивать?
Уже пора
Лечить учиться людям,
Уже пора
Спасать и врачевать!

Целителем,
Хранителем природы
Стань, человек,
С бедою не шутя,
Побереги леса свои и воды —
Ведь ты не безрассудное дитя!

* * *

О Рума! Друг!
О человек! О брат!
Родимый,
как вода, земля и свет,
ранимый,
как вода, земля и свет,
гонимый,
как вода, земля и свет,
хранимый,
как вода, земля и свет!..
О Рума, наконец-то мы сошлись,
в одном камлanye
душами слились,
как на клинке,
на слове поклялись!
И глянули вперед, во тьму,
где путь
и тайна,
и зловещий бубен Зла,
и звездочка Добра в провале ночи...
О Рума, нам отныне по пути
дорогой нераздельною
идти,
туда шагать в стремлении суровом,
где слову делом стать,
а делу — словом,

а стало быть —
водой, землей и светом,
и радостью, и правдой, и единством,
и жизнью, и бессмертьем, наконец!..

За мною, Рума,
солнечный шаман,
неистовый, с душою нараспашку,
как нынешние помыслы мои!

* * *

Под ногами земля запела,
Как звенящая тетива,—
Это Песня-стрела полетела,
Поднимая в небо слова.
То Тайга рокочет сурово —
Голосище ее могуч!
Высоко поднимается слово —
Выше самых высоких туч!
Замирает Тайга — и тихо,
Залегая в угол глухой,
Как уставшая олениха,
Собирается на покой.
Все отжившее — листья, хвою —
Ей приходится отдавать;
И не с воплями, не с мольбою —
Оставляет, как нежная мать.
Без нее остаются зайчишки,
Без нее остается медведь;
Смоляные сосновые шишки
Не успеют уже дозреть.
И, запахиваясь глубоко
Покрывалом брусничных болот,
Засыпает Тайга до срока,
Покидая лесной народ.
И в последний час расставанья,
Провожая взглядом зарю,
Говорит она: «До свиданья!» —
Забубнившему глухарю.

До свиданья, лесные братья!
Не навеки я уйду.
Только скину старое платье,
Обнаженная полежу.
Ни воды мне не надо, ни пищи,
И ни холода, ни тепла —
Словно тетерев на токовище,
Я устала, изнемогла...
Отдохну от жизни кипучей,
Отдохну от ноши своей —
И восстану снова могучей,
Стану в тысячу раз сильней!

* * *

Для чего на свет явился я?
Чтобы эти мерзлые края
Оживить —
На свет явился я.

Чтоб по снегу белому идти,
Чтоб по свету белому идти
И смотреть вокруг —
Явился я.

Чтобы разводить я мог с утра,
Стуже вопреки, костер добра,
Греться у огня —
Явился я.

Чтоб не замерзали мы во мгле
На пустынном шарике — Земле,
Чтоб детей растить,
Явился я...

Для того явился я на свет,
Чтобы сохранился этот свет,
Трепетал, струился этот свет...
Мне огнедобыча — по плечу!
Светоносцем вдаль уйти хочу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИГЛАШЕНИЕ

«Уснула под снегом река...» Перевод С. Ботвинника . . .	6
Приглашение. Перевод автора	7
Заклинанье на Полярном круге. Перевод С. Ботвинника	8
«Полярная ночь порождает думы...» Перевод Н. Чернецкого	11
«Несется ветер, острый, как стрела...» Перевод С. Ботвинника	13
«Сошел мороз с лица земли...» Перевод С. Ботвинника	15
«Слышите?..» Перевод С. Ботвинника	15
Весенняя песня птички. Перевод С. Ботвинника	16
«Родовая речка... Речка предков...» Перевод С. Ботвинника	17
Здравствуй, журавль! Перевод О. Юрьева	18
Колесо жизни. Перевод О. Юрьева	20
«Пеший, конный...» Перевод автора	22
«Перед тем как отправляться в дальний путь...» Перевод С. Ботвинника	23
«В светлом доме я сижу...» Перевод С. Ботвинника	24
«Я пою о далеких краях...» Перевод С. Ботвинника	24
«Под защитой лесов...» Перевод С. Ботвинника	26

ЖЕНЩИНА, ИДУЩАЯ НАВСТРЕЧУ

«Я ушел в твои владенья...» Перевод Н. Галкиной	28
Женщина, идущая навстречу... Перевод автора	29
Трилистник тайги. Перевод О. Юрьева	45

НАПУТСТВИЕ

Ответ старцу. Перевод С. Степанова	48
«Хорошо играть в оленей...» Перевод С. Ботвинника	49
«На вершине дерева...» Перевод Н. Грудиной	50
Песня матери. Перевод О. Мартыновой	53
«Мне сказала мама...» Перевод Л. Сидоровской	54
Дума отца. Перевод С. Ботвинника	54
«Помню, в детстве отец...» Перевод Б. Кежуна	55
«Сын мой, послушай отцовский завет!..» Перевод С. Ботвинника	55
Семь заветов отца. Перевод А. Аквилева	57
«И сказал мне отец...» Перевод Б. Кежуна	60
«Тот не охотник, у кого собаки нет...» Перевод А. Куш- нера	61
«Огонь и нож добро несут...» Перевод Л. Сидоровской	62
Вот мое слово... Перевод А. Аквилева	63
«Глупец скучает без вина...» Перевод А. Кушнера	68
«Как счастлив сын, лелея мать...» Перевод С. Степа- нова	69
«Славен умом человек...» Перевод С. Степанова	70
«На юге и на севере...» Перевод В. Цыбина	71
«Как прекрасна земля молодая!..» Перевод С. Степа- нова	72

СОСКУЧИЛИСЬ

«Соскучились...» Перевод С. Ботвинника	74
На струне Кобзаря. Перевод автора	75

«Когда над водою...» Перевод Г. Гампер	76
«В руках у меня журавль...» Перевод автора	77
«Что, журавль...» Перевод Г. Гампер	77
«Где ты, белой стрелой по небу летящий...» Перевод Г. Гампер	78
«Коль не дура ты, бандура...» Перевод Г. Гампер	79
«Молчу и внимаю Тарасу...» Перевод А. Аквилева	81
«Полночь...» Перевод Г. Гампер	82
«Река бурлит. Раздроблены оковы...» Перевод Н. Чернецкого	83
«Кому посох, кому плуг...» Перевод Г. Гампер	84
«Кай-о! Кай-о! Йо!..» Перевод Г. Гампер	85
«Где душа моя сорвется...» Перевод Г. Гампер	86
«Суть воды...» Перевод Г. Гампер	88
Калевала	90
«Калевала, Калевала...» Перевод С. Ботвинника	90
«Взявшись за руки покрепче...» Перевод С. Ботвинника	91
«Калевала», ты — мой чум...» Перевод С. Ботвинника	92
«Калевала», ты — голос ручья...» Перевод С. Ботвинника	93

ДАЙ РУКУ, ДРУГ!

«Наступление ранней зимы...» Перевод С. Ботвинника	96
«Я долго спал, слившись со снегом...» Перевод автора	97
«Сядем в машину...» Перевод С. Ботвинника	98
«Мадьяры, кто вы?..» Перевод С. Ботвинника	99
«Причудливые камни, валуны...» Перевод С. Ботвинника	100
«Солнца жар...» Перевод С. Ботвинника	101
«Венгрия, чудесная страна...» Перевод С. Ботвинника	101
«Вовеки мне не забыть...» Перевод Н. Чернецкого	102
По морю Афродиты. Перевод И. Кашежевой	104

Мне тяжело слышать о войне. Перевод Н. Грудониной	108
На Алтае. Перевод Д. Закса	111
«Век велик! В делах он возвышается...» Перевод О. Юрь- ева	112
Камлание Ризе Халиду в день юбилея. Перевод С. Степа- панова.	114
«Когда в небе твоём...» Перевод С. Степанова	117
«Пусть луна взаправду тускло светит...» Перевод А. Ак- вилева.	118
Назови по имени. Перевод С. Ботвинника	120
«Кто я и откуда родом?..» Перевод С. Степанова	122
«Стих мотор. И лодочка моя...» Перевод С. Ботвинника	123
«Ты человек — и оттого...» Перевод С. Ботвинника	124

ЗАКЛИНАНИЕ ЛЮБВИ

«На серебряном плесе...» Перевод автора	126
Заклинание любви. Перевод Н. Чернецкого	127
«Я крылатого оленя...» Перевод О. Мартыновой	132
«Мы в спорах с друзьями пристрастны...» Перевод А. Кушнера	133
«Туманна ночь, что разделила нас...» Перевод О. Мар- тыновой	134
«Все кончено? И ты не пишешь мне?..» Перевод О. Мартыновой	135
«Напиши мне единое слово...» Перевод О. Марты- новой	136
«Кто меня околдовал?..» Перевод О. Мартыновой	137
«Я в памяти нежусь, как в мягкой волне...» Перевод О. Мартыновой	137
Сказка. Перевод О. Мартыновой	138
Заклятье к новолунию. Перевод О. Юрьева	140
«Слушай, луна, слушай...» Перевод автора	142
«Что в силах я поведать о любви...» Перевод С. Степа- нова	143

«Я лиственница — северная женщина...» Перевод С. Ботвинника	145
Признание. Перевод О. Мартыновой	146
«Быть бы мне красивой...» Перевод Д. Закса	147
Заговор с травой. Перевод О. Мартыновой	149
Заговор против ревности. Перевод О. Мартыновой	151
«Мой желанный прям и статен...» Перевод С. Степа- нова	152
«Поколение мое окрыленное...» Перевод О. Юрьева	153

У ОГНЯ

«Знает не тот, кто много жил...» Перевод автора	156
«А теперь я стал другим...» Перевод С. Ботвинника	157
«Мы прошли с тобой, сердце...» Перевод А. Кушнера	158
«Если из света меня сотворили...» Перевод А. Кушнера	159
«Сын журавля...» Перевод В. Максимова	160
Невысказанное слово. Перевод В. Максимова	161
«Перешагни через огни!..» Перевод В. Максимова	163
«Вода с Урала пахнет хрусталем...» Перевод С. Ботвин- ника	164
Царь природы. Перевод С. Ботвинника	165
«О Рума! Друг!..» Перевод В. Максимова	166
«Под ногами земля запела...» Перевод С. Степанова	168
«Для чего на свет явился я?...»	170

Шесталов Ю.

Ш 51 Дорога: Стихотворения.— Л.: Сов. писатель, 1988.— 176 с.

ISBN 5—265—00220—0

В новую книгу лауреата Государственной премии РСФСР Ювана Шесталова вошли стихотворения, написанные им в последние годы. Как всегда, автор уделяет особое внимание внутреннему миру нашего современника, его нерасторжимой связи с историей, взаимоотношениям человека и природы.

Ш $\frac{4702010202-179}{083(02)-88}$ 248—88

ББК 84.Р7

ЮВАН НИКОЛАЕВИЧ ШЕСТАЛОВ

ДОРОГА

Л.О. изд-ва «Советский писатель», 1988, 176 стр.

План выпуска 1988 г. № 248

Редактор *А. Л. Мясников*

Худож. редактор *Б. А. Комаров*

Техн. редактор *Ю. А. Дианова*

Корректоры *Е. Д. Шнитникова* и *Е. А. Омеляненко*

ИБ № 6321

Сдано в набор 12.02.88. Подписано к печати 25.05.88. М24169. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,15. Уч.-изд. л. 5,50. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1384. Цена 60 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

X

96842004
Окружная библиотека

60 к.

РНФ

Государственная библиотека Югры